

Руби
Райт

ФАР

ЕГО ИГРУШКА НА ТРИДЦАТЬ
ДНЕЙ

Руби Райт

Фар. Его игрушка на тридцать дней

<https://litres.ru/74213007>

Аннотация

— Я помогу. Но это не жест доброй воли. Отработаешь.
— Его голос вызывает у меня отвращение, а взгляд заставляет паниковать. Фархад Хаджиев по кличке Фар... Он... он... я не знаю, кто он. Страх и ужас нашего города. И не только нашего. Ему подчиняются все. Его имя боятся произносить. Никто не смеет ему смотреть даже в глаза... — Я готова на все, только спасите брата, — шепчу и смахиваю слезы, что по щекам льются. Без остановки. — Тридцать дней, и потом свободна. — Пренебрежение так из него и плещет. Но мне уже все равно. Если мой брат будет жить... — Я согласна. — На свой страх и риск смотрю в его черные глаза. И помаленьку умираю... На что я согласилась? Что будет делать этот жестокий человек со мной тридцать дней? Смогу ли я выжить? И как мне потом жить дальше?

Не забывайте добавлять в библиотеку, чтобы не пропустить новые главы

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 2	22
Глава 3	28
Глава 3	46
Глава 4	64
Глава 4	70
Глава 5	76
Глава 5	79
Глава 6	82
Глава 6	96
Глава 7	110
Глава 7	129
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Глава 1

— Мам, что врачи говорят? — буквально кричу в трубку, так как мама совсем раскисла. Нужно ее встряхнуть.

Она постоянно плачет, а вот я свою цистерну уже, видимо, выплакала ночью в подушку. Нет больше слез. Не показываю их Ромке. Держусь и маму пытаюсь настроить.

— У Ромы почка одна почти отказала, вторая тоже там... Рая... — Снова слышу плач в трубке.

— Мама, перестань плакать. Держи себя в руках. — Иногда я чувствую себя гораздо взрослее нее. — Что врачи говорят?

— Что не дотянет он до пересадки. Что с его редкой группой... Мой мальчик...

— Мам, я скоро приеду. Слышишь? Сейчас отработаю смену и приеду.

— Успеешь до девяти? Мне же на работу сегодня.

— Постараюсь успеть. Если что попроси медсестру, чтобы приглядела за Ромкой. А я отпрошусь, — лгу маме. Мне не удастся отпроситься, и так часто сбегаю. Эта работа — неслыханная удача, а я ей разбрасываюсь.

Но нет у меня выхода.

— Жду тебя, Рая.

— Все, мне пора.

Возвращаюсь на кухню. Начальство мной недоволено.

Шеф-повар смотрит косо, да и управляющий тоже.

Не всем студентам техникума индустрии питания удастся устроиться на работу в такой крутой ресторан. Но мне удалось. Я победила в кулинарном конкурсе, и выигрышем была недельная стажировка в лучшем ресторане нашего города.

Отработав неделю, я получила приглашение перейти на постоянку. И вот я работаю почти полгода. Мне даже подобрали индивидуальный график, чтобы с учебой могла совмещать. Чем-то я все-таки приглянулась шеф-повару.

В выходные я в ресторане с трех и до последнего гостя. В будни — до двенадцати ночи, и то не всегда. Когда мало гостей, половину поваров отпускают пораньше.

Но сегодня не тот день. Сегодня наш ресторан вновь на спецобслуживании. Такое частенько бывает.

Чаще всего в нем проходят мероприятия: свадьбы и юбилеи. В заведении есть большой банкетный зал, который вмещает много народу.

Но сейчас не банкет.

Сейчас в нашем ресторане ужинает самый известный человек города. Кто он?

Бандит? Криминальный авторитет? Бизнесмен?

Наверное, всего понемногу. Он могущественный и очень богатый, раз может позволить закрыть целое заведение для себя одного.

Для него есть отдельный VIP-зал. Он обычно пустует, ждет своего гостя.

И сегодня гость тут. Повсюду его охрана: высокие громилы, которые еле вмещаются в дверной проем. А еще склоняют голову, когда заходят, вероятно, чтобы не удариться.

Эти мужчины все в татуировках, рисунки даже на лицах. Страшные, жуткие.

Хорошо, что я работаю на кухне и не контактирую с ними. А какого девочкам-официанткам?

Новенькие обычно впадают в ужас, когда видят их впервые. Еще бы. Их так много.

Человек десять, не меньше. И все они охраняют одно человека — Фархада Хаджиева. Главу их группировки, или как там они себя называют.

Я видела его пару раз, мельком. Неприятный тип. Сразу понятно, что он преступник. Злодей из боевиков. Тот, кому все подчиняются, стоит отдать короткий приказ.

Тот, чье имя боятся произнести. Боятся даже взглянуть на него...

И сегодня я планирую с ним поговорить.

Лида берет поднос. Стейк с кровью, что я приготовила, ставлю на стол раздачи.

Знаю, что Лида идет туда, к нему. И это мой шанс, пока управляющий вышел покурить. Глубокий вдох и...

— Можно я за тебя отнесу? — спрашиваю коллегу.

Мы с Лидой хорошо общаемся, даже в кафе как-то ходили. Но сейчас моя просьба ее напрягает.

— Зачем?

Уставилась на меня официантка.

— Мне надо, пожалуйста.

— Рай, тебе нельзя туда. Если Тамара увидит, мне конец.

А если ты перед гостем...

— Лида, мне надо, — уверенно чеканю каждое слово. — Вопрос жизни и смерти. Пожалуйста.

Взмолилась я в надежде, что ее проберет.

Так и вышло. Нехотя вручает мне поднос.

— Только быстро. Молча поставила и ушла. Он не любит, когда официантки долго трутся. Глаза в пол и за дверь. Поняла?

— Поняла.

Киваю, выслушав подробную инструкцию. Но у меня другой план. Мне нужно с ним поговорить.

В банке мне отказали в кредите. Маме тоже. Мы и так уже по уши в долгах и займах.

Моей зарплаты ни на что не хватает, маминой тем более. Все уходит на Ромкины лекарства. Аппарат недавно купили, чтобы он мог находиться дома, а не постоянно лежать в больнице.

Мама работает в ночь, два через два. Я в день. Так и мнемся.

Но сейчас нам срочно деньги нужны. Я говорила с врачом. Ромку можно спасти: операцию сделать, в списке продвинуть, но это все не бесплатно. А нам нечем платить.

Из имущества только квартира и осталась. Жить все же где-то нужно. Но мы готовы и ее лишиться, только бы Ромке помочь.

Он родился больным, при родах случились осложнения. Потом реанимация и бесконечные обследования. Большую часть своего детства я провела в больнице. Рано пришлось повзрослеть, чтобы помогать маме. Она нас одна растит.

Мы как-то справлялись до последнего кризиса. Но теперь остается только одно — просить помощи.

И если было бы, у кого попросить, я бы не раздумывала. Но нет таких людей. Кончились. Мы всем должны, кто мог нам занять. А больше и не у кого спросить. Сумма огромная, невыносимая...

Но не для него. Для него нет ничего невозможного.

Иду в VIP-зал, ноги трясутся. Руки тоже. Смотрю на тарелку. Стейк удался. Может, он съест, подорожает и сжалится надо мной? Поможет? Ему это ничего не стоит.

А у меня на кону жизнь брата. Маленького мальчика, которому всего десять.

Я буду просить, умолять на коленях, если понадобится. Я на все готова. Лишь бы спасти Ромке жизнь.

Подхожу к двери. Около нее стоит здоровенный мужик. Я ему... да по пояс. Чуть выше, может. Холодок по спине, и ноги подкашиваются. Но не время сейчас, ох не время пугаться.

Дверь открывает, захожу. Глаза в пол, как Лида учила.

Прохожу вперед.

Мужчина сидит за столом. В кабинете еще один охранник. Но главный их по телефону разговаривает.

В комнате холодно. Комфортная температура для хладнокровных. А он именно такой...

Ставлю тарелку и делаю пару шагов назад. Поднос опустила вниз, руками сжала так, что края впились в ладони. И стою. Осторожно глаза вверх поднимаю.

Таких мужчин я еще никогда не видела. Голова побрита почти наголо. На лице небольшая щетина.

Фархад в официальном костюме, но на шее виднеется круговая тату до самого подбородка. Брови нахмурены, сведены в кучу. Глаза будто у хищного зверя, что только добычу свою разорвал. Наслаждался кровавой плотью.

Четкие линии губ сжаты. А когда говорит, улыбается в бок, демонстрируя оскал.

Ужас.

Глаза опускаю на его руку, что лежит на столе. Из-под рубашки выглядывает тату, закрывая все пальцы. Думаю, он весь ими покрыт. Жуть какая...

Вздрагиваю, когда вновь смотрю ему в лицо. А он на меня смотрит.

Рукой отмашку дает, чтобы уходила. Я головой машу из стороны в сторону. Не соглашаюсь.

И тут он брови расслабил, глаза прищурил. Кажется, прыгнуть готовится. Как лев на антилопу. И сейчас антилопа

— это я.

Но вдруг сбрасывает вызов и медленно кладет телефон на стол. Вниз экраном. На меня смотрит пристально.

А у меня слова пропали. Вся речь, которую я долго готовила. Вроде хочу сказать, но слова в предложение не собираются.

Не могу говорить. И вдохнуть не могу. Страх связки в узел сплел. В горле сухо. Испуг пробирает до пяток. Волосы на голове зашевелились, чувствую, что вот-вот упаду. Без сознания. И это только от его взгляда.

Но мне нужно поговорить...

— Мне еще долго ждать?

Первым начинает разговор. Я уже знаю, что он будет совсем не из легких.

Голос у него... Именно такой, как я и думала. Низкий. Чуть-чуть с хрипотцой. Но глубокий, уверенный.

— Что ждать? — не понимаю вопроса. Точнее понимаю, но мысли никак не могу собрать в кучу. Разбежались и по углам спрятались. — Я хотела поговорить...

— А я поесть, в тишине.

Перебивает. Настроен недоброжелательно. А с чего ему другом мне быть? Я для него пустое место. Обслуга.

— Ну вы ешьте. Я для вас приготовила, — пытаюсь подмазаться, но мужчина не так понимает.

На меня смотрит, потом на тарелку. И снова на меня. С недоверием.

— Сумасшедшая?

— Кто?

— Ты. — Грубо.

— Нет. С чего вы...

— Что тебе надо? — громко спросил, а я на месте подпрыгнула. И так страшно, а он голос повышает...

— Мне помощь ваша нужна. Я недавно читала новости и видела, что вы больницы строите. Помогаете... — затараторила вдруг, но Фар осекает.

— Стоп. Все. Дальше не стоит. Марат. — Одно слово охраннику, тот меня за руку и к выходу. Начинаю сопротивляться. Но куда мне.

— Подождите. Вы же даже не выслушали. У меня брат умирает, маленький... что вам стоит...

— Марат, — снова имя громилы сказал, и тот меня отпускает.

Предплечье тру, больно схватил. Синяк останется точно. Ручищи такие...

— И с чего ты взяла, что ко мне можно вот так заявиться и помощи требовать?

— Я не требую, я прошу... Неужели вам ребенка не жалко? Вы же доброе...

— Похуй.

Немногословный ответ, отчего мне совсем горько стало. Фар был последней надеждой, я думала, в нем есть хоть капля сострадания. У него же столько денег... Да один съем ре-

сторана стоит столько, что я бы уже смогла спасти брата.

Я прочитала про Фара. Он недавно спонсировал строительство клиники. Прикрытие? Таким образом он грехи перед обществом замаливает? Или так, для отвода глаз?

Но ведь делает же. А мне не хочет помочь?

От этих мыслей слезы сами собой по щекам льются.

Как же я ошиблась в нем...

А больше вариантов у меня нет.

— Я прошу вас, пожалуйста, мой брат умирает...

— Слышал уже. Сопли свои собери.

Только сказал, я сразу замолкла. Слезы тру свободной рукой, другая поднос держит. С надеждой смотрю, а самой страшно, внутри все трепещет. И мутит...

— Вы можете?

— Нет. Нахуй мне это надо? Ты можешь предложить что-то взамен?

Вот как так-то? Он говорит, а у него ни одна мышца на лице не шевелится. Чужды эмоции? А может, он себе в лицо ботокс вколол, чтобы не могли разобрать его мимику?

— У меня нет ничего...

Говорю с грустью в голосе, осознавая свою беспомощность перед проблемой.

— Тогда свободна, — отвечает с тем же равнодушием в голосе.

Но я не двигаюсь. Продолжаю стоять и смотреть в его глаза. Будто бы мой пристальный взгляд может пробиться в его

черную душу. Найти там частичку чего-то чистого...

Но нет в этом человеке ни капли добра. И души у него нет. Только тьма непроглядная.

И он смотрит. С еще большим отвращением.

— Прошу вас...

— Я собаку хочу. — Ладони на стол положил. Хороший знак. Сжатые кулаки выглядели бы устрашающе, а тут... — Таковую, знаешь, покорную. Чтобы в рот мне заглядывала и не вякала, — говорит с пренебрежением. Стейк к себе при-двигает, режет ножом и жует. Мерзкое зрелище. Не люблю смотреть, как едят другие. А этот вообще отвратительно... Чувствую, как к горлу подкатывает комок.

Одна мысль в голове: только бы не вырвало прямо сейчас.

— Вам щенка подарить? — вновь не понимаю его намерения. Что, он сам не может купить себе щенка? Самого дорогого, породистого...

— Ты будешь сучкой.

От ответа чуть не падаю, пошатываюсь и гляжу на мужчину. Не понимаю, о чем он...

Вырывается тихое:

— Что?

— Что глаза вылупила? За кого ты там просишь?

— Брат у меня болеет...

— Брата хочешь спасти?

— Хочу. — Не раздумывая.

— А я помочь хочу, искренне. — Звучит лицемерно. Да и

выглядит он так же. Надутый индюк. Подонок. — Но я просто так ничего не делаю. Я помогаю, а взамен получаю какую-то выгоду. А раз у тебя ничего нет, я получу тебя.

— Меня? Я что, щенок, по-вашему?

— Сучка.

Сглатываю. Его слова звучат неприятно. Да и смотрит он так, будто брезгливо.

— И что я буду делать?

— А что ты умеешь?

— Готовить.

— Неинтересно. Да и стейк твой на троечку.

Вот же гад. Мраморная говядина, соблюдены все нормы жарки. Стейк идеальный, а он...

— А что вам нужно? — спрашиваю с опасением. Такой жалеть не станет. Откусит кусок мяса, пережует и выплюнет. И этот кусок мяса — я.

— Многое. Но об этом потом. Так что, согласна?

— Послушайте, вы можете...

— Я не торгуюсь. Предложение действует три секунды. Я выполняю твою просьбу, а ты на ближайшие тридцать дней моя. И без обсуждения. Время пошло.

Мысленно в голове отсчитываю секунды. Что делать? Согласится? На что? Что он хочет?

— Время вышло. Марат...

— Я согласна! — кричу, когда громила снова хватается за руку. Опять за то же место, только в этот раз еще больнее.

Щипает кожу.

— На что? — издевается сукин сын.

— На все. Только брата спасите.

— Свободна.

— Не поняла?

— Тебе пора. Иди. За тобой приедут.

— Вы же не знаете, где...

— Слышишь плохо? Ушла! — накричал.

Неуравновешенный какой-то. Да и о каком равновесии речь? Сама на грани. Слезы бегут, ноги ватные. Я в сантиметре от дикой истерики или потери сознания, как повезет.

Бросаю на него злобный взгляд. Все, что было, на него. Разворачиваюсь и выхожу за дверь. Быстрым шагом на кухню. Лида по дороге спросила, как все прошло. Головой махнула, она расслабилась.

«За тобой приедут».

Что это значит? Кто приедет? Куда?

Боже, на что я согласилась...

Глава 2

Ресторан закрылся чуть раньше, так как наш «дорогой» гость уехал. И смысл выкупать ресторан, чтобы съесть стейк, выпить чай и накормить свою охрану? Интересно, сколько он за это вывалил денег? Сомневаюсь, что владелец ресторана работает себе в убыток. А это значит, Фар нехило бабла отвалил. Идиотизм полный.

Слава богу, я его больше не видела. Так и просидела на кухне до закрытия.

Полдесятого вечера я уже бежала в больницу. Со всех ног. Торопилась. Мама ушла на работу, Ромка там совсем один.

Хорошо, врачи на уступки пошли. Разрешили нам чередоваться, чтобы за братом ухаживать. Обрабатываю руки и в палату. Не спит еще.

— Привет, герой, ты как тут? — Натягиваю улыбку. И она вовсе не лживая, я рада быть с братом.

— Привет. Нормально. Скучно только. Деньги на телефоне закончились. Интернета нет.

— Не беда. Сейчас закину.

Пока перевожу брату деньги, думаю только о том, когда же за мной придут.

Может, он в шутку, напугать просто?

Он и впрямь не может всем помогать, а я вообще внаглую к нему подошла.

Не побоялась, хоть и страшно было... Да мне в жизни так не было. Хорошо, что он меня на месте не прикончил. А мог бы. Точно мог.

Про него такие легенды ходят: что он людей убивал, что был замешан во многом. Но до сих пор на свободе. Не садят же.

А все потому, что деньги есть. Власть. Все куплено.

И помочь маленькому ребенку для него, как карму почистить. Пусть потом в Интернете напишет. Да я сама напишу, восхвалять его буду. Репутацию до небес подниму. Только бы помог.

— Рай, ты чего залипла?

— Что? — перевожу внимание на Ромку. До этого я тупо смотрела в белую стену палаты. Ромка тоже выглядит уставшим. Синяки под глазами стали фиолетовыми, кожа бледная.

Для своего возраста он низковатый. Худоба эта...

Но улыбка еще радостная, будто не касаются его все эти ужасы. Иглы, катетеры, УЗИ бесконечные.

Сколько он всего перенес и ни разу не психанул, не высказал. Принимает стойко и держится. Нас поддерживает. Настоящий мужчина растет.

— Странная ты. Устала?

— Немного. Спать хочу.

Сказала — сразу зеваю.

— Так ты ложись. Мама раскладушку уже притащила.

Стели и ложись. Кино посмотрим?

— А давай. Я только на пять минут в душ сбегаю, ладно?

— Хорошо, я пока фильм выберу.

— Давай не ужасы... — но знаю, что он сделает вопреки.

— Они самые, — с улыбкой угрожает мальчишка. Обожаю его. Как мы будем...

Стоп. Гоню эти мысли. Все хорошо будет. Фархад нам поможет, и заживем. Ромка в школу вернется. Закончит ее. А потом и в институт. Там девушку встретит, свадьба, дети...

Да, все так и будет. Я уверена.

Палата у Ромки что надо. Больница хорошая. Мы тут много раз лежали.

Сейчас больных мало, и мы в палате одни. Обычно по двое ребят. Ванная есть прямо в комнате. Кормят супер. Роме многое, правда, нельзя, но здесь корректируют питание для пациентов.

Принимаю мало-мальски душ, усталость снять. Переодеваюсь в лосины и футболку.

Стелю раскладушку и ложусь рядом с кроватью брата. Держу его за руку. За маленькую ладошку. Так дорог он мне.

Я же с ним с самого детства сидела. Мама всегда на работе. А отец?

Не помню я его. Будто и не было вовсе. Последний раз видела, когда мне лет семь было. Он с нами не жил, лишь приезжал иногда. На дни рождения, праздники.

А потом брата заделал и свалил окончательно. Даже сына

не видел. Где он сейчас? Мы не знаем. И мама молчит, не говорит о нем, да я и не требую. Бог ему судья.

Мы и сами справляемся. Как можем, но справляемся.

Трудно? А кому легко?

Бандитам местным. Только им и легко. И этому...

Ресторан он освобождает для себя одного. Тварь зажавшаяся.

Ненавижу.

Утро началось неожиданно. Мама пришла и зачем-то меня разбудить решила.

— Рая, просыпайся. Тебе же на учебу?

Слышу заботливый голос и глаза открываю.

— Каникулы мам.

— Ой, я и забыла. Вот голова дурная. Точно. Совсем я в числах запуталась. Только и знаю, что два дня отдыхать, и снова на работу. Прости...

— Ничего. Все хорошо. Рома спит?

Смотрю на брата. Спит. Крепко. Такой сладкий, губехи свои в кучку сделал и сопит. И даже пиканье аппарата ему не мешает. И мне не мешает. Привыкли за столько лет.

Дурная привычка.

— Ты домой тогда иди. А я тут.

— Давай я посижу. Ты же с работы, устала.

— Нет-нет, беги, милая. Я домой забежала, переоделась и сюда. Вещи чистые принесла Ромке. Ты забери пакет, по-

стирай.

— Хорошо. Я умоюсь тогда и пойду. Теперь только завтра смогу прийти.

— Ничего. Работай, не беспокойся, мы справимся. Я вчера что-то расклеилась, а сегодня нормально. Ты прости меня.

— Мам, все хорошо. Перестань. Ну все, я умываться.

Сбегаю в ванную. Не могу смотреть на маму. Она за последние годы так постарела, а ей всего сорок два будет. Это от слез проклятых, что сами собой из глаз вытекают.

Сколько я себе обещаний давала не плакать — не выходит. И у нее тоже. Прячемся друг от друга и от Ромки и ноём в подушку. Или, как я сейчас, в ванной.

Переоделась. Вещи собрала. Ромку поцеловала, разоспался малыш. Маму тоже в щеку чмокнула и на выход.

К двери иду: ясно на улице. Лето. Тепло, хоть и начало сезона.

Дверь открываю и вижу знакомого громилу. Того, что сияк на руке мне оставил.

Марат, кажется. Стоит у черного джипа. Руки скрестил. В очках черных. Вылитый бандюган.

Страх в одно мгновение поглощает, будто меня в ящик заталкивают, из которого я уже никогда не выберусь. Там и сдохну.

И тут до меня доходит...

Он приехал за мной.

А вы уже читали роман: "Няня по вызову" ?

Если нет, быстрее читать...

БЕСПЛАТНО

<https://litnet.com/shrt/9rqo>

В моей жизни все шло наперекосяк, пока я не устроилась работать няней для дочки богатого бизнесмена. И все было бы хорошо, но...
Я заглянула в запретную комнату, и теперь мне уже от него не спастись. Степан Еремеев — бизнесмен, отец и любитель пожестче. Он воспользовался мной, обманул, а теперь и вовсе преследует.
У него есть власть, связи и куча денег, он может заполучить любую девушку, но почему-то моя постель привлекает его больше всего.

Глава 2

Ресторан закрылся чуть раньше, так как наш «дорогой» гость уехал. И смысл выкупать ресторан, чтобы съесть стейк, выпить чай и накормить свою охрану? Интересно, сколько он за это вывалил денег? Сомневаюсь, что владелец ресторана работает себе в убыток. А это значит, Фар нехило бабла отвалил. Идиотизм полный.

Слава богу, я его больше не видела. Так и просидела на кухне до закрытия.

Полдесятого вечера я уже бежала в больницу. Со всех ног. Торопилась. Мама ушла на работу, Ромка там совсем один.

Хорошо, врачи на уступки пошли. Разрешили нам чередоваться, чтобы за братом ухаживать. Обработываю руки и в палату. Не спит еще.

— Привет, герой, ты как тут? — Натягиваю улыбку. И она вовсе не лживая, я рада быть с братом.

— Привет. Нормально. Скучно только. Деньги на телефоне закончились. Интернета нет.

— Не беда. Сейчас закину.

Пока перевожу брату деньги, думаю только о том, когда же за мной придут.

Может, он в шутку, напугать просто?

Он и впрямь не может всем помогать, а я вообще внаглую к нему подошла.

Не побоялась, хоть и страшно было... Да мне в жизни так не было. Хорошо, что он меня на месте не прикончил. А мог бы. Точно мог.

Про него такие легенды ходят: что он людей убивал, что был замешан во многом. Но до сих пор на свободе. Не садят же.

А все потому, что деньги есть. Власть. Все куплено.

И помочь маленькому ребенку для него, как карму почистить. Пусть потом в Интернете напишет. Да я сама напишу, восхвалять его буду. Репутацию до небес подниму. Только бы помог.

— Рай, ты чего залипла?

— Что? — перевожу внимание на Ромку. До этого я тупо смотрела в белую стену палаты. Ромка тоже выглядит уставшим. Синяки под глазами стали фиолетовыми, кожа бледная.

Для своего возраста он низковатый. Худоба эта...

Но улыбка еще радостная, будто не касаются его все эти ужасы. Иглы, катетеры, УЗИ бесконечные.

Сколько он всего перенес и ни разу не психанул, не высказал. Принимает стойко и держится. Нас поддерживает. Настоящий мужчина растет.

— Странная ты. Устала?

— Немного. Спать хочу.

Сказала — сразу зеваю.

— Так ты ложись. Мама раскладушку уже притащила.

Стели и ложись. Кино посмотрим?

— А давай. Я только на пять минут в душ сбегаю, ладно?

— Хорошо, я пока фильм выберу.

— Давай не ужасы... — но знаю, что он сделает вопреки.

— Они самые, — с улыбкой угрожает мальчишка. Обожаю его. Как мы будем...

Стоп. Гоню эти мысли. Все хорошо будет. Фархад нам поможет, и заживем. Ромка в школу вернется. Закончит ее. А потом и в институт. Там девушку встретит, свадьба, дети...

Да, все так и будет. Я уверена.

Палата у Ромки что надо. Больница хорошая. Мы тут много раз лежали.

Сейчас больных мало, и мы в палате одни. Обычно по двое ребят. Ванная есть прямо в комнате. Кормят супер. Роме многое, правда, нельзя, но здесь корректируют питание для пациентов.

Принимаю мало-мальски душ, усталость снять. Переодеваюсь в лосины и футболку.

Стелю раскладушку и ложусь рядом с кроватью брата. Держу его за руку. За маленькую ладошку. Так дорог он мне.

Я же с ним с самого детства сидела. Мама всегда на работе. А отец?

Не помню я его. Будто и не было вовсе. Последний раз видела, когда мне лет семь было. Он с нами не жил, лишь приезжал иногда. На дни рождения, праздники.

А потом брата заделал и свалил окончательно. Даже сына

не видел. Где он сейчас? Мы не знаем. И мама молчит, не говорит о нем, да я и не требую. Бог ему судья.

Мы и сами справляемся. Как можем, но справляемся.

Трудно? А кому легко?

Бандитам местным. Только им и легко. И этому...

Ресторан он освобождает для себя одного. Тварь зажавшаяся.

Ненавижу.

Утро началось неожиданно. Мама пришла и зачем-то меня разбудить решила.

— Рая, просыпайся. Тебе же на учебу?

Слышу заботливый голос и глаза открываю.

— Каникулы мам.

— Ой, я и забыла. Вот голова дурная. Точно. Совсем я в числах запуталась. Только и знаю, что два дня отдыхать, и снова на работу. Прости...

— Ничего. Все хорошо. Рома спит?

Смотрю на брата. Спит. Крепко. Такой сладкий, губехи свои в кучку сделал и сопит. И даже пиканье аппарата ему не мешает. И мне не мешает. Привыкли за столько лет.

Дурная привычка.

— Ты домой тогда иди. А я тут.

— Давай я посижу. Ты же с работы, устала.

— Нет-нет, беги, милая. Я домой забежала, переоделась и сюда. Вещи чистые принесла Ромке. Ты забери пакет, по-

стирай.

— Хорошо. Я умоюсь тогда и пойду. Теперь только завтра смогу прийти.

— Ничего. Работай, не беспокойся, мы справимся. Я вчера что-то расклеилась, а сегодня нормально. Ты прости меня.

— Мам, все хорошо. Перестань. Ну все, я умываться.

Сбегаю в ванную. Не могу смотреть на маму. Она за последние годы так постарела, а ей всего сорок два будет. Это от слез проклятых, что сами собой из глаз вытекают.

Сколько я себе обещаний давала не плакать — не выходит. И у нее тоже. Прячемся друг от друга и от Ромки и ноём в подушку. Или, как я сейчас, в ванной.

Переоделась. Вещи собрала. Ромку поцеловала, разоспался малыш. Маму тоже в щеку чмокнула и на выход.

К двери иду: ясно на улице. Лето. Тепло, хоть и начало сезона.

Дверь открываю и вижу знакомого громилу. Того, что сиял на руке мне оставил.

Марат, кажется. Стоит у черного джипа. Руки скрестил. В очках черных. Вылитый бандюган.

Страх в одно мгновение поглощает, будто меня в ящик заталкивают, из которого я уже никогда не выберусь. Там и сдохну.

И тут до меня доходит...

Он приехал за мной.

А вы уже читали роман: "Няня по вызову" ?

Если нет, быстрее читать...

БЕСПЛАТНО

<https://litnet.com/shrt/9rqo>

В моей жизни все шло наперекосяк, пока я не устроилась работать няней для дочки богатого бизнесмена. И все было бы хорошо, но...
 Я заглянула в запретную комнату, и теперь мне уже от него не спастись. Степан Еремеев — бизнесмен, отец и любитель пожестче. Он воспользовался мной, обманул, а теперь и вовсе преследует.
 У него есть власть, связи и куча денег, он может заполучить любую девушку, но почему-то моя постель привлекает его больше всего.

Глава 3

Первая мысль — бежать без оглядки. Базовый инстинкт самосохранения.

А смысл? Я знала, на что иду. Точнее не знала, но догадывалась.

И мне все равно. Я хочу провести еще один вечер с братом. Да не один, множество вечеров. И если ради этого нужно продать себя Фару, стать его игрушкой, сучкой, щенком, или что он там хочет...

Я готова на это. Мне дико страшно, но я готова.

Пакет с Ромкиными вещами к себе прижимаю и подхожу ближе к бугаю.

— Садись в машину, — говорит и заднюю дверь авто открывает.

Оглядываюсь на больницу. Кто знает, может, это билет в один конец.

Да так и будет.

Вспоминаю взгляд этого дьявола, то, как он разговаривал... Мне точно не выжить.

Залезаю в машину. Прижимаюсь к сидению. Марат на переднем, за рулем еще один мужик. Тоже крупный.

Они все как один. Где он таких берет? Завод, что ли, есть какой? «Три по цене одного» — и партию выкатывают.

А Фар их оптом покупает.

— Куда мы едем? — не выдерживаю молчания. Я хочу знать, куда они меня везут.

— Куда надо. — Суровый ответ.

— А поподробнее можно?

— В больничку. Потом к боссу.

— А зачем в больницу?

— Захлопни варезку. Я говорю, ты делаешь. Усекла?

— Усекла, — отвечаю с досадой в голосе. И кто воспитывал этих мужчин, что они позволяют себе так с девушкой разговаривать? Неотесанные бандиты. Хамы. Ничего в них святого.

Едем минут пятнадцать. Приехали.

Из машины вылезаю и вижу какую-то клинику. Частную. Я тут впервые. Когда мне по клиникам-то шастать?

Нет, я за здоровьем слежу. У меня медицинская книжка есть, я же повар.

Но здесь я зачем?

Пакет оставляю в машине — Марат приказал. Подчиняюсь. Здание невысокое, этажей девять. Выглядит современно. Явно новое. Вспоминаю статью. Точно. А я и смотрю, фасад знакомый. Фархад эту клинику строил. Ну не сам, конечно, а спонсировал.

Прохожу мимо статуи. Женщина держит за руку ребенка. Я ее заприметила, когда читала о клинике. Напомнила мне фотку, где мама с Ромкой на набережной. Ему лет пять было...

Заходим внутрь, посетителей нет. Меня встречает женщина и ведет к кабинету на второй этаж. Марат остался ждать внизу.

Ее предупредили о моем приезде? Что происходит?

Женщина молчит. А вот я вновь паникую.

Неизвестность пугает, но ничего не спрашиваю. Просто идем молча.

В кабинет захожу, на который мне указали. Внутри еще одна женщина.

— Добрый день, Раиса Станиславовна, присаживайтесь. Алена Дмитриевна сейчас возьмет у вас кровь, а затем я вас осмотрю.

Откуда она мое имя знает? И карта у нее уже на меня есть? Конечно, есть, она ее заполняет.

— Ответьте мне пока на вопросы...

И понеслось. Миллион вопросов.

Кажется, эта женщина спросила обо всем: чем болела, когда болела. И в детстве, и во взрослом возрасте. Спросила о половой жизни, которой у меня еще не было. И даже не удивилась.

Обычно в моем возрасте девочки многое пробовали, а мне не пришлось. Я только и умею, что целоваться. И то последний раз был на выпускном в школе. Было нелепо, стыдно, и мне совсем не понравилось. От одноклассника несло алкоголем. Неприятное воспоминание.

А остальное время я либо работаю, либо учусь, либо в

больнице. А, ну еще сплю иногда.

Выбираюсь куда-то достаточно редко. Денег нет, да и желаний.

Затем у меня взяли кровь из вены, чего я дико боюсь. Заговорили зубы и взяли, после дали воды. Голова немного закружилась.

А потом произошло самое неприятное.

— Раздевайтесь и ложитесь на кресло, — говорит доктор, и я прохожу за ширму.

Непредвиденный поход к гинекологу. Ну отлично.

Хотя ничего тут отличного нет. Если меня досконально обследуют, значит, он планирует меня... со мной...

Боже.

Пока врач осматривает меня, я смотрю в сторону. Пытаюсь просто продышать эту минуту, но снова накатывают слезы. Чувствую себя отвратительно. Будто корову готовят на убой. Сейчас анализы возьмут и посмотрят, можно ли из нее колбасу сделать. Бродячая же...

Пытаюсь сдержаться и не заплакать. Время тянется бесконечно до долгожданного:

— Одевайтесь.

Встаю, надеваю джинсы и снова сажусь на стул около стола врача.

Говорит мне что-то о таблетках. Протягивает их. Да, я знаю, что это за пилюли, но пить их не намерена.

Гормональные препараты, чтобы не забеременеть. А я и

спать ни с кем не собираюсь, чтобы беременеть.

Но таблетки беру. Кто узнает, пью я их или нет?

Пока думаю о таблетках, забываю о сути. Он точно планирует заниматься сексом со мной. И таблетки — страховка...

Только зачем ему это? С его возможностями можно организовать личный горем. А я? Я же обычная, простая девчонка. Ни разу не была у косметолога или в салоне красоты. Да я и ноги порой забываю побрить, настолько мне некогда.

Я совсем не из тех, кого можно захотеть к себе в постель. И тем более такой могущественный человек, как Фар, меня точно никогда не захочет.

Тратиться, заморачиваться со всем этим нелепым обследованием. Зачем? Он всем своим видом показал отношение к моей персоне. Фонтан отвращения так и лился из его выражения лица. Выдавала ухмылка. Я ему больше противна, чем привлекаю. Но я и не хочу привлекать. Не хочу, чтобы он меня захотел...

Я просто хочу, чтобы он помог, и ничего не требовал взамен. Наивная? Очень. Кто будет помогать просто так? Никто. И он не будет. Позицию обозначил. Как он сказал? Сучка ему нужна? Он что, меня бить собирается?

Но я ему не позволю ко мне прикоснуться. Этому животному. Этому страшному типу. Необразованному бандиту.

Я могу быть хоть кем для него. Уборщицей, поваром, но не...

Хотя я уже и на это согласна. На все, без исключений. Это

всего лишь мое тело, моя гордость, взамен на жизнь брата.

Только бы Фар сдержал обещание и помог...

Не успеваю выйти из кабинета, как натыкаюсь на Марата. Стоит у двери. Смотрит так, будто я ему жизнь сломала. Наверное, ему не нравится со мной возиться. И мне это не нравится, но я выполняю, что велят.

Марат из больницы выходит, странно, что здесь никого нет. Где все-то?

Ни одного посетителя? Что за больница такая? Может, потому что расположена далековато от центра города?

Снова сажусь в машину. Пакет к себе прижимаю. Там Ромкины вещи, постирать бы. Мама ждать будет.

Но мысль о том, что меня уже не отпустят, не покидает голову. Как они без меня будут?

Маму нужно постоянно встряхивать. Она поглощена горем и порой уходит в забвение.

А сейчас ее некому тормозить...

Едем недолго. Водитель так водит... страшно. Резко поворачивает. Вот он жмет газ, и машина с гулом вперед, а вот резкий тормоз. И трехэтажный мат, который режет слух.

Не знаю, почему так реагирую, я и сама могу сматериться. Не так, конечно, как «специалист» за рулем, но могу.

И снова он резко тормозит. Чувствую, что к горлу подкапало. Но я ничего не ела с утра, совсем. Только воды попила.

Это от того, что у меня кровь взяли. Три огромных пробирки. Всю кровь выкачали. Вот и мутит.

И снова мы за городом. Подъезжаем к большому дому. Не успели к воротам подъехать, они открываются. Во дворе полно головорезов. Я насчитала десять, еще двое в будке у ворот.

Дом большой. Два этажа, но находится в глубине участка. Машина остановилась. Снова вылезая из авто. За Маратом иду по брусчатке. Ноги заплетаются. На автомате передвигаю.

Я в этом доме сидеть буду? А как же вещи? Мне вещи мои нужны. И Ромке нужно чистое отвести.

Но кто интересуется моими нуждами...

Внутрь заходим. По сторонам не смотрю, только перед собой. Голова кружится, и я стараюсь концентрироваться на шагах. Тошнить начало сильнее. В этом доме запах странный, будто благовония где-то тлеют.

А мне бы свежего сейчас вдохнуть. Может, попроситься на улицу?

Не отпустят.

В дверь уткнулись.

— Стой тут. — Очередной приказ от Марата. Ну я и стою.

Тишина кругом. Это не дом — мавзолей. Хмурый и очень холодный. В этом доме я и умру. И, судя по моему состоянию, прямо сейчас.

Марат скрылся за дверью буквально на секунду, вышел и мне головой махнул, чтобы заходила.

Вальяжно внутрь.

А вот и он. Травма, которую я буду всю свою жизнь лечить у психолога. Фар сидит на диване, как король. Поза расслаблена. Одна нога на другой, согнута в колене. Рука на спинке дивана.

Но я на него не смотрю, все внимание на то, что рядом с ним.

А именно здоровый черный ротвейлер в шипованном ошейнике. Рычит на меня и скалится.

Вот от кого хозяин собаки оскал перенял. Один в один. Только собака командам обучена, а этот совсем дикий. Бешеный.

— И что ты встала, сюда иди. — Мельком глазами на Фара, а потом вновь на пса. Страх так силен, что я впала в забвение. Ни вдохнуть, ни шелохнуться не в силах. Как статуя посреди комнаты...

— Собака...

Только и выдавила из себя. Продолжаю стоять. Чувствую, как пальцы начало покалывать и как тремор в руках появляется, а затем и во всем теле...

— Собаку никогда не видела? — Встает и ко мне идет. А я в нем спасение вижу. Если пес дернется, я Фаром прикроюсь. Пусть его раздирает.

И вот он совсем рядом. Все чувства обострились, и я улавливаю его запах. Духи отдают свежестью и еще чем-то терпким. Сразу в нос бьют. Но смотрю сквозь этого бандюгана и вижу только злющую морду пса, клыки его острые и, кажет-

ся, слюни.

— Уберите собаку...

— Боишься? Он не кусается. — Голос тихий, монотонный. Мужчина вокруг меня кружит, как удав. Мастер перевоплощения.

Кружит и будто сейчас нападет. Сдавит в лапах и тут же задушит. И пусть. Зато собака меня на куски не порвет, это страшнее. Мне ли не знать...

— Мне уже так говорили, а потом вот...

Руку медленно поднимаю, без резких движений. Чуть выше запястья — шрам. Укус кобеля. Хозяин его говорил, что тот не кусается, а в итоге пять швов и уколы от бешенства.

С тех пор ни собак, ни иглы я не переносу...

— От Каина бы побольше метка осталась, а может, и руку бы оттяпал, — смеется. Его веселит мое состояние. А я уже слышу нечетко. В глазах бегут черные точки. Моргаю, но не проходят.

Ладони вспотели, и к горлу подкатывает. Нет больше сил держаться.

Шатнуло немного, устоять пытаюсь — не вышло.

Голова стала тяжелой и назад тянет. Поддаюсь ей. Глаза закрываю и падаю...

За секунду до полной отключки чувствую, что руки меня подхватили, такие сильные.

Обжигают жаром своим.

Расслабляюсь...

Глаза открываю, вокруг туманно. Моргаю часто, будто от этого видеть четче стану. Тру глаза.

Я в той же комнате. На том самом диване, где сидел мой мучитель. Осторожно смотрю по сторонам, собаку не вижу.

Слава богу...

Слышу за дверью голос тирана.

— Ты видел, сколько времени? Мозгов не хватило накопить?

Это Фар говорит, точнее отчитывает. Это он про меня, что ли? Заботится? Или просто переживает, что сдохну раньше времени и он не сделает то, что планирует? Но что он планирует?

В следующее мгновение он заходит в кабинет. Взгляд на меня бросает, наполненный презрением. И снова вижу отращивание.

Не может нормально смотреть?

— Отошла?

Глянул и больше не смотрит. Даже когда спрашивает о моем состоянии. К столу идет, садится.

— Мне лучше...

— Сейчас еду принесут, поешь, и... — вздыхает, — подумаю, что с тобой делать.

— А где собака?

— За дверью, ждет, пока ты выйдешь, — усмехается.

Неприятный тип. Всем своим видом отталкивает. Даже

капли симпатии не испытываю и никогда не испытаю. Такого можно только презирать всем сердцем.

— Это не смешно...

— А ты и не смейся. Я не разрешал.

— Можно позвонить?

А где мой телефон? По карманам шарю. Он был в заднем кармане джинс, но сейчас его нет.

Я даже не знаю, сколько сейчас времени. Мама там, наверное, с ума сходит.

— Кому?

— Маме. Я должна была ей вещи чистые привезти. Она волнуется, наверное...

Мучитель закатил глаза. Откуда-то из-под стола достал мой телефон и положил на стол.

— Избавь меня от подробностей.

Подскакиваю, подхожу к столу, опираюсь на него рукой. Снова голова закружилась, но удастся взять себя в руки.

Смотрю: восемь пропущенных. Господи, мама там с ума сходит, наверное.

Хочу ей набрать, но мне нужно придумать какую-то ложь, почему я буду долго отсутствовать...

Но я и сама не знаю, почему и как долго.

Взгляд перемещаю на Фара.

— Мне маме что-то нужно сказать...

— Говори. — Не отрывается от своего телефона.

— Что мне сказать?

— Мне дело есть?

— Вы издеваетесь? — говорю чуть ли не со слезами на глазах. Не плачу, но уже вот-вот. — Что будет дальше? Вы сказали, тридцать дней? Я тут буду эти тридцать дней?

— Нет.

— А где?

— Где скажу, там и будешь. Ты забыла уговор?

— Какой уговор? Вы загадками говорите. Можете нормально сказать? «Рая, мы будем там, делать то, столько времени. Тебе можно это...» Подробнее как-то.

Фар глубоко вдыхает. Видно, что я его раздражаю невероятно и он бы уже сорвался, но держится, напрягается. Скулы, шея. Голову повернул, слышу хруст.

Ему бы самому доктору показаться, явно с суставами проблемы.

А вот я на грани срыва, снова. Нервной системе конец, и это я с ним второй раз в жизни встретилась. Впереди целый месяц пытки.

— Тридцать дней ты будешь делать то, что я скажу. Мы будем не здесь, но где мы будем, ты узнаешь позже. И будешь ли.

— То есть вы можете меня отпустить?

— Если проверку по здоровью пройдешь, остаешься. А если нет, уговору конец. Бледная, в обморок падаешь... Я больных девок не трахаю. — И вновь от него веет холодом, могильной стужей. Может, он не из нашего мира? Демон? Не

может быть человек таким. Равнодушным, жестоким...

— Вы не поможете брату?

— Нет.

— Это жестоко.

— Кому как. Все, вопросов нет больше?

— А можно обойтись, ну... без интима? — сильно смущаюсь, когда говорю. Он в открытую угрожает сексом, что мне не по себе.

— Ну ты из себя скромницу-то не строй. — Глаза чуть прищуривает. Взглядом сильно давит. Или просто так реагирую? Я в его власти, на крючке. Мне нет смысла торговаться или просить. Я дала свое согласие. — Не идет тебе. Сучки горло готовы друг другу перегрызать за то, чтобы на хую у меня повертеться. Так что готовься, Рая, мне рай устроить, можешь прямо сейчас начать. Ртом не побрезгую и без справки.

На стул отклоняется, типа меня подзывает. Разваливается. Превосходство свое демонстрирует.

Шаг назад делаю. Еще один, пятясь к дивану.

Набираю маму...

— Рая, ты куда пропала? Я столько раз тебе звонила...

— Мам, меня на работу вызвали. Как вы там?

— Мы с Ромкой в другой клинике, перевезли нас. Его сразу на обследования забрали, а я тут, в палате. Ничего не понимаю, да мне и не говорят...

— Это же хорошо, мам. Хорошо ведь? — не знаю, как

реагировать. Как в другой клинике? Где?

— Я с врачом говорила, он сказал, что операция будет. Что за операция? Не спросила, растерялась. Так быстро все...

— Ты, главное, не переживай. Позвони на работу, больничный возьми. Мама, мне тут предложили работу на месяц, я уехать должна. Не смогу с вами быть...

— Что за работа? Где?

— Мероприятие организуют, точнее серию мероприятий. Вот и пригласили как повара, я уже согласилась.

— И правильно. Езжай. Тебе тоже нужно жизнь свою строить. А мы справимся. Ты только звони. И вещи бы, а то у меня нет почти ничего, даже не могу переодеться.

— Я привезу вещи. — На Фара смотрю. Он брови поднял. И что-то мне подсказывает, что не привезу я им ничего.

— И перевод я твой получила. Тебе аванс, что ли, дали? — Мама вопросом ставит меня в тупик.

— Перевод?

— Ну да, ты мне скинула час назад...

— А, да, я и забыла уже. Ага, аванс за будущую работу, — говорю на автомате. Лгу маме, а раньше я никогда...

— Много, видимо, придется работать, раз аванс такой большой.

— Гостей будет много. Ну ладно, мам, я еще позвоню. И ты мне пиши, если что, голосовыми. А я, как смогу, прослушаю.

— Хорошо. Целую, Раечка.

— И я тебя. Ромку поцелуй от меня.

Звонок сбрасываю. Так грустно стало. Но одно хорошо — брату помогут. С чего бы?

Смотрю на Фара, в телефоне что-то печатает.

— Это вы сделали? — спрашиваю смелее обычного.

— Что?

Задаёт вопрос и даже не поворачивается. Продолжает в телефон тыкать. А меня разрывает. Я никогда в жизни так никого не призирила.

— Ну, брата в другую больницу перевели?

— Я за свои слова отвечаю, а ты? — Глаза поднимает. И я смотрю в них. Страшно, но смотрю.

— Придется.

— Энтузиазма можно и добавить. — Вновь тыкает в мобильник. Что он там, в «Марио» играет?

— Ладно. Можно мне домой съездить, мне нужно...

— Нет.

Сглатываю. Глубокий вдох, и снова попытка.

— Мне вещи нужно маме передать, ей не во что переодеться. Они в машине лежат. Ну и себе взять что-то. Зубную щётку ту же...

— Идем.

Резко встает и к двери. Я за ним. Не продолжаю дальше просить. Выходим из кабинета. По коридору, на кухню. Стол

накрыт. Фар молча на стул мне указывает, выполняю.

— Марат, — крикнул. Откуда ни возьмись заваливается громила, а у меня только от его вида поджилки трясутся.

— Сейчас... — видимо, хотел меня как-то назвать, передумал. — Доест, съездите по адресу. Ее сюда потом, сам до больницы. Передать кое-что нужно. Потом за мной. Я в гараже буду.

— Кит метнется, я с кралей возиться... — И тут Фар как глянет на громилу. Тот побледнел даже. Неужели его так бо-
ются, почему? — Сделаю, Фар. Все сделаю.

Фархад не реагирует на охранника. На меня смотрит.

— Я говорю непонятно? Ешь.

Вилку хватаю и в стейк вгоняю. Откусываю, показательно жую. — На все про все полчаса. Никаких вещей себе не брать, поняла? Ну можешь белье взять, хотя какое у тебя белье. Ничего не бери. Телефон Марату отдашь.

— А можно...

— Нельзя, — сказал громко и вышел из кухни.

Есть продолжаю. Одна в помещении. Стейк вкусный, хуже, чем мой, но сойдет. Овощи на гриле тоже заходят только так. Ем, будто год без еды. Чаем запиваю с ежевикой.

А все не так плохо, как я себе напридумывала. Унижает, и пусть. Слова можно вытерпеть. Взгляды его отвратительные. И это я ему отвратительна. Пусть так.

Кормит — уже хорошо. Собаку бы еще свою приструнил. Жуткая, как и хозяин.

А то, что он Ромке помог, вот так, с ходу. За пару часов рокировка. Другая клиника, обследование.

Может, он не такой уж плохой? Не будь дурой, Рая. Плохой и даже хуже. Ужасный, жуткий, жестокий. И все рассказы о нем точно правда. И статьи, и блоги. Думаю, в них только часть правды, а он еще опаснее.

Он животное. Безжалостное и наглое. Требовательный и явно неуравновешенный, раз его взгляда такой громила, как Марат, боится.

Кто он? Что он? Дьявол в человеческом обличье? Точно дьявол. У него даже пса Каин зовут. Кто так собаку называет?

Тима, Бобик, ну на крайняк Шарик. А тут — Каин. Жуть...

Он точно псих ненормальный. И мне с ним быть тридцать дней. А еще, интересно, с какого дня он считает?

Со вчера или сегодня? А если с завтра?

Но спрашивать не спешу. И так зол. Лучше бы мне и впрямь помолчать. Тихо отсижусь в уголке, дай бог, забудет о моем жалком существовании.

Но Рая ошибалась...

Заглядывайте в другую, не менее интересную и захватывающую историю. Бесплатно!

"Молот. Запретная страсть"

<https://litnet.com/shrt/Yhri>

— Где она? — рычит на ме-

ня мордоворот по кличке Молот, а
я из последних сил сдерживаю сле-
зы.
 — Я... я... не знаю...

 — Врешь, сладкая. — Улыбае-
ся мужчина и облизывает губы. Ощу-
щение, что он и впрямь хочет ме-
ня съесть, буквально. — По глазам ви-
жу, что врешь. Твоя мать взяла кое-
что мое и сбежала. А это зна-
чит, красавица, расплачиваться тебе при-
дется...
 Не понимаю, как я мог-
ла оказаться в этом ресторане, еще
и прикованной наручниками к колон-
не. Я просто возвращалась домой, ко-
гда на меня налетели двое муж-
чин и привезли сюда. Но это уже
не в первый раз, когда мама ме-
ня подставляет. Такое и раньше бы-
ло, но сейчас все куда серьезне-
е.
 Молот шутить не станет, я
крепко влипла в неприятности.

 * Невинная героиня с характером
 * Горячо и ме-
стами опасно
 * Бандит – настоящий мужчина

Глава 3

Первая мысль — бежать без оглядки. Базовый инстинкт самосохранения.

А смысл? Я знала, на что иду. Точнее не знала, но догадывалась.

И мне все равно. Я хочу провести еще один вечер с братом. Да не один, множество вечеров. И если ради этого нужно продать себя Фару, стать его игрушкой, сучкой, щенком, или что он там хочет...

Я готова на это. Мне дико страшно, но я готова.

Пакет с Ромкиными вещами к себе прижимаю и подхожу ближе к бугаю.

— Садись в машину, — говорит и заднюю дверь авто открывает.

Оглядываюсь на больницу. Кто знает, может, это билет в один конец.

Да так и будет.

Вспоминаю взгляд этого дьявола, то, как он разговаривал... Мне точно не выжить.

Залезаю в машину. Прижимаюсь к сидению. Марат на переднем, за рулем еще один мужик. Тоже крупный.

Они все как один. Где он таких берет? Завод, что ли, есть какой? «Три по цене одного» — и партию выкатывают.

А Фар их оптом покупает.

— Куда мы едем? — не выдерживаю молчания. Я хочу знать, куда они меня везут.

— Куда надо. — Суровый ответ.

— А поподробнее можно?

— В больничку. Потом к боссу.

— А зачем в больницу?

— Захлопни варезку. Я говорю, ты делаешь. Усекла?

— Усекла, — отвечаю с досадой в голосе. И кто воспитывал этих мужчин, что они позволяют себе так с девушкой разговаривать? Неотесанные бандиты. Хамы. Ничего в них святого.

Едем минут пятнадцать. Приехали.

Из машины вылезаю и вижу какую-то клинику. Частную. Я тут впервые. Когда мне по клиникам-то шастать?

Нет, я за здоровьем слежу. У меня медицинская книжка есть, я же повар.

Но здесь я зачем?

Пакет оставляю в машине — Марат приказал. Подчиняюсь. Здание невысокое, этажей девять. Выглядит современно. Явно новое. Вспоминаю статью. Точно. А я и смотрю, фасад знакомый. Фархад эту клинику строил. Ну не сам, конечно, а спонсировал.

Прохожу мимо статуи. Женщина держит за руку ребенка. Я ее заприметила, когда читала о клинике. Напомнила мне фотку, где мама с Ромкой на набережной. Ему лет пять было...

Заходим внутрь, посетителей нет. Меня встречает женщина и ведет к кабинету на второй этаж. Марат остался ждать внизу.

Ее предупредили о моем приезде? Что происходит?

Женщина молчит. А вот я вновь паникую.

Неизвестность пугает, но ничего не спрашиваю. Просто идем молча.

В кабинет захожу, на который мне указали. Внутри еще одна женщина.

— Добрый день, Раиса Станиславовна, присаживайтесь. Алена Дмитриевна сейчас возьмет у вас кровь, а затем я вас осмотрю.

Откуда она мое имя знает? И карта у нее уже на меня есть? Конечно, есть, она ее заполняет.

— Ответьте мне пока на вопросы...

И понеслось. Миллион вопросов.

Кажется, эта женщина спросила обо всем: чем болела, когда болела. И в детстве, и во взрослом возрасте. Спросила о половой жизни, которой у меня еще не было. И даже не удивилась.

Обычно в моем возрасте девочки многое пробовали, а мне не пришлось. Я только и умею, что целоваться. И то последний раз был на выпускном в школе. Было нелепо, стыдно, и мне совсем не понравилось. От одноклассника несло алкоголем. Неприятное воспоминание.

А остальное время я либо работаю, либо учусь, либо в

больнице. А, ну еще сплю иногда.

Выбираюсь куда-то достаточно редко. Денег нет, да и желаний.

Затем у меня взяли кровь из вены, чего я дико боюсь. Заговорили зубы и взяли, после дали воды. Голова немного закружилась.

А потом произошло самое неприятное.

— Раздевайтесь и ложитесь на кресло, — говорит доктор, и я прохожу за ширму.

Непредвиденный поход к гинекологу. Ну отлично.

Хотя ничего тут отличного нет. Если меня досконально обследуют, значит, он планирует меня... со мной...

Боже.

Пока врач осматривает меня, я смотрю в сторону. Пытаюсь просто продышать эту минуту, но снова накатывают слезы. Чувствую себя отвратительно. Будто корову готовят на убой. Сейчас анализы возьмут и посмотрят, можно ли из нее колбасу сделать. Бродячая же...

Пытаюсь сдержаться и не заплакать. Время тянется бесконечно до долгожданного:

— Одевайтесь.

Встаю, надеваю джинсы и снова сажусь на стул около стола врача.

Говорит мне что-то о таблетках. Протягивает их. Да, я знаю, что это за пилюли, но пить их не намерена.

Гормональные препараты, чтобы не забеременеть. А я и

спать ни с кем не собираюсь, чтобы беременеть.

Но таблетки беру. Кто узнает, пью я их или нет?

Пока думаю о таблетках, забываю о сути. Он точно планирует заниматься сексом со мной. И таблетки — страховка...

Только зачем ему это? С его возможностями можно организовать личный горем. А я? Я же обычная, простая девчонка. Ни разу не была у косметолога или в салоне красоты. Да я и ноги порой забываю побрить, настолько мне некогда.

Я совсем не из тех, кого можно захотеть к себе в постель. И тем более такой могущественный человек, как Фар, меня точно никогда не захочет.

Тратиться, заморачиваться со всем этим нелепым обследованием. Зачем? Он всем своим видом показал отношение к моей персоне. Фонтан отвращения так и лился из его выражения лица. Выдавала ухмылка. Я ему больше противна, чем привлекаю. Но я и не хочу привлекать. Не хочу, чтобы он меня захотел...

Я просто хочу, чтобы он помог, и ничего не требовал взамен. Наивная? Очень. Кто будет помогать просто так? Никто. И он не будет. Позицию обозначил. Как он сказал? Сучка ему нужна? Он что, меня бить собирается?

Но я ему не позволю ко мне прикоснуться. Этому животному. Этому страшному типу. Необразованному бандиту.

Я могу быть хоть кем для него. Уборщицей, поваром, но не...

Хотя я уже и на это согласна. На все, без исключений. Это

всего лишь мое тело, моя гордость, взамен на жизнь брата.

Только бы Фар сдержал обещание и помог...

Не успеваю выйти из кабинета, как натыкаюсь на Марата. Стоит у двери. Смотрит так, будто я ему жизнь сломала. Наверное, ему не нравится со мной возиться. И мне это не нравится, но я выполняю, что велят.

Марат из больницы выходит, странно, что здесь никого нет. Где все-то?

Ни одного посетителя? Что за больница такая? Может, потому что расположена далековато от центра города?

Снова сажусь в машину. Пакет к себе прижимаю. Там Ромкины вещи, постирать бы. Мама ждать будет.

Но мысль о том, что меня уже не отпустят, не покидает голову. Как они без меня будут?

Маму нужно постоянно встряхивать. Она поглощена горем и порой уходит в забвение.

А сейчас ее некому тормозить...

Едем недолго. Водитель так водит... страшно. Резко поворачивает. Вот он жмет газ, и машина с гулом вперед, а вот резкий тормоз. И трехэтажный мат, который режет слух.

Не знаю, почему так реагирую, я и сама могу сматериться. Не так, конечно, как «специалист» за рулем, но могу.

И снова он резко тормозит. Чувствую, что к горлу подкапало. Но я ничего не ела с утра, совсем. Только воды попила.

Это от того, что у меня кровь взяли. Три огромных пробирки. Всю кровь выкачали. Вот и мутит.

И снова мы за городом. Подъезжаем к большому дому. Не успели к воротам подъехать, они открываются. Во дворе полно головорезов. Я насчитала десять, еще двое в будке у ворот.

Дом большой. Два этажа, но находится в глубине участка. Машина остановилась. Снова вылезая из авто. За Маратом иду по брусчатке. Ноги заплетаются. На автомате передвигаю.

Я в этом доме сидеть буду? А как же вещи? Мне вещи мои нужны. И Ромке нужно чистое отвести.

Но кто интересуется моими нуждами...

Внутрь заходим. По сторонам не смотрю, только перед собой. Голова кружится, и я стараюсь концентрироваться на шагах. Тошнить начало сильнее. В этом доме запах странный, будто благовония где-то тлеют.

А мне бы свежего сейчас вдохнуть. Может, попроситься на улицу?

Не отпустят.

В дверь уткнулись.

— Стой тут. — Очередной приказ от Марата. Ну я и стою.

Тишина кругом. Это не дом — мавзолей. Хмурый и очень холодный. В этом доме я и умру. И, судя по моему состоянию, прямо сейчас.

Марат скрылся за дверью буквально на секунду, вышел и мне головой махнул, чтобы заходила.

Вальяжно внутрь.

А вот и он. Травма, которую я буду всю свою жизнь лечить у психолога. Фар сидит на диване, как король. Поза расслаблена. Одна нога на другой, согнута в колене. Рука на спинке дивана.

Но я на него не смотрю, все внимание на то, что рядом с ним.

А именно здоровый черный ротвейлер в шипованном ошейнике. Рычит на меня и скалится.

Вот от кого хозяин собаки оскал перенял. Один в один. Только собака командам обучена, а этот совсем дикий. Бешеный.

— И что ты встала, сюда иди. — Мельком глазами на Фара, а потом вновь на пса. Страх так силен, что я впала в забвение. Ни вдохнуть, ни шелохнуться не в силах. Как статуя посреди комнаты...

— Собака...

Только и выдавила из себя. Продолжаю стоять. Чувствую, как пальцы начало покалывать и как тремор в руках появляется, а затем и во всем теле...

— Собаку никогда не видела? — Встает и ко мне идет. А я в нем спасение вижу. Если пес дернется, я Фаром прикроюсь. Пусть его раздирает.

И вот он совсем рядом. Все чувства обострились, и я улавливаю его запах. Духи отдают свежестью и еще чем-то терпким. Сразу в нос бьют. Но смотрю сквозь этого бандюгана и вижу только злющую морду пса, клыки его острые и, кажет-

ся, слюни.

— Уберите собаку...

— Боишься? Он не кусается. — Голос тихий, монотонный. Мужчина вокруг меня кружит, как удав. Мастер перевоплощения.

Кружит и будто сейчас нападет. Сдавит в лапах и тут же задушит. И пусть. Зато собака меня на куски не порвет, это страшнее. Мне ли не знать...

— Мне уже так говорили, а потом вот...

Руку медленно поднимаю, без резких движений. Чуть выше запястья — шрам. Укус кобеля. Хозяин его говорил, что тот не кусается, а в итоге пять швов и уколы от бешенства.

С тех пор ни собак, ни иглы я не переносу...

— От Каина бы побольше метка осталась, а может, и руку бы оттяпал, — смеется. Его веселит мое состояние. А я уже слышу нечетко. В глазах бегут черные точки. Моргаю, но не проходят.

Ладони вспотели, и к горлу подкатывает. Нет больше сил держаться.

Шатнуло немного, устоять пытаюсь — не вышло.

Голова стала тяжелой и назад тянет. Поддаюсь ей. Глаза закрываю и падаю...

За секунду до полной отключки чувствую, что руки меня подхватили, такие сильные.

Обжигают жаром своим.

Расслабляюсь...

Глаза открываю, вокруг туманно. Моргаю часто, будто от этого видеть четче стану. Тру глаза.

Я в той же комнате. На том самом диване, где сидел мой мучитель. Осторожно смотрю по сторонам, собаку не вижу.

Слава богу...

Слышу за дверью голос тирана.

— Ты видел, сколько времени? Мозгов не хватило накопить?

Это Фар говорит, точнее отчитывает. Это он про меня, что ли? Заботится? Или просто переживает, что сдохну раньше времени и он не сделает то, что планирует? Но что он планирует?

В следующее мгновение он заходит в кабинет. Взгляд на меня бросает, наполненный презрением. И снова вижу отращивание.

Не может нормально смотреть?

— Отошла?

Глянул и больше не смотрит. Даже когда спрашивает о моем состоянии. К столу идет, садится.

— Мне лучше...

— Сейчас еду принесут, поешь, и... — вздыхает, — подумаю, что с тобой делать.

— А где собака?

— За дверью, ждет, пока ты выйдешь, — усмехается.

Неприятный тип. Всем своим видом отталкивает. Даже

капли симпатии не испытываю и никогда не испытаю. Такого можно только презирать всем сердцем.

— Это не смешно...

— А ты и не смейся. Я не разрешал.

— Можно позвонить?

А где мой телефон? По карманам шарю. Он был в заднем кармане джинс, но сейчас его нет.

Я даже не знаю, сколько сейчас времени. Мама там, наверное, с ума сходит.

— Кому?

— Маме. Я должна была ей вещи чистые привезти. Она волнуется, наверное...

Мучитель закатил глаза. Откуда-то из-под стола достал мой телефон и положил на стол.

— Избавь меня от подробностей.

Подскакиваю, подхожу к столу, опираюсь на него рукой. Снова голова закружилась, но удастся взять себя в руки.

Смотрю: восемь пропущенных. Господи, мама там с ума сходит, наверное.

Хочу ей набрать, но мне нужно придумать какую-то ложь, почему я буду долго отсутствовать...

Но я и сама не знаю, почему и как долго.

Взгляд перемещаю на Фара.

— Мне маме что-то нужно сказать...

— Говори. — Не отрывается от своего телефона.

— Что мне сказать?

— Мне дело есть?

— Вы издеваетесь? — говорю чуть ли не со слезами на глазах. Не плачу, но уже вот-вот. — Что будет дальше? Вы сказали, тридцать дней? Я тут буду эти тридцать дней?

— Нет.

— А где?

— Где скажу, там и будешь. Ты забыла уговор?

— Какой уговор? Вы загадками говорите. Можете нормально сказать? «Рая, мы будем там, делать то, столько времени. Тебе можно это...» Подробнее как-то.

Фар глубоко вдыхает. Видно, что я его раздражаю невероятно и он бы уже сорвался, но держится, напрягается. Скулы, шея. Голову повернул, слышу хруст.

Ему бы самому доктору показаться, явно с суставами проблемы.

А вот я на грани срыва, снова. Нервной системе конец, и это я с ним второй раз в жизни встретилась. Впереди целый месяц пытки.

— Тридцать дней ты будешь делать то, что я скажу. Мы будем не здесь, но где мы будем, ты узнаешь позже. И будешь ли.

— То есть вы можете меня отпустить?

— Если проверку по здоровью пройдешь, остаешься. А если нет, уговору конец. Бледная, в обморок падаешь... Я больных девок не трахаю. — И вновь от него веет холодом, могильной стужей. Может, он не из нашего мира? Демон? Не

может быть человек таким. Равнодушным, жестоким...

— Вы не поможете брату?

— Нет.

— Это жестоко.

— Кому как. Все, вопросов нет больше?

— А можно обойтись, ну... без интима? — сильно смущаюсь, когда говорю. Он в открытую угрожает сексом, что мне не по себе.

— Ну ты из себя скромницу-то не строй. — Глаза чуть прищуривает. Взглядом сильно давит. Или просто так реагирую? Я в его власти, на крючке. Мне нет смысла торговаться или просить. Я дала свое согласие. — Не идет тебе. Сучки горло готовы друг другу перегрызать за то, чтобы на хую у меня повертеться. Так что готовься, Рая, мне рай устроить, можешь прямо сейчас начать. Ртом не побрезгую и без справки.

На стул отклоняется, типа меня подзывает. Разваливается. Превосходство свое демонстрирует.

Шаг назад делаю. Еще один, пятясь к дивану.

Набираю маму...

— Рая, ты куда пропала? Я столько раз тебе звонила...

— Мам, меня на работу вызвали. Как вы там?

— Мы с Ромкой в другой клинике, перевезли нас. Его сразу на обследования забрали, а я тут, в палате. Ничего не понимаю, да мне и не говорят...

— Это же хорошо, мам. Хорошо ведь? — не знаю, как

реагировать. Как в другой клинике? Где?

— Я с врачом говорила, он сказал, что операция будет. Что за операция? Не спросила, растерялась. Так быстро все...

— Ты, главное, не переживай. Позвони на работу, больничный возьми. Мама, мне тут предложили работу на месяц, я уехать должна. Не смогу с вами быть...

— Что за работа? Где?

— Мероприятие организуют, точнее серию мероприятий. Вот и пригласили как повара, я уже согласилась.

— И правильно. Езжай. Тебе тоже нужно жизнь свою строить. А мы справимся. Ты только звони. И вещи бы, а то у меня нет почти ничего, даже не могу переодеться.

— Я привезу вещи. — На Фара смотрю. Он брови поднял. И что-то мне подсказывает, что не привезу я им ничего.

— И перевод я твой получила. Тебе аванс, что ли, дали? — Мама вопросом ставит меня в тупик.

— Перевод?

— Ну да, ты мне скинула час назад...

— А, да, я и забыла уже. Ага, аванс за будущую работу, — говорю на автомате. Лгу маме, а раньше я никогда...

— Много, видимо, придется работать, раз аванс такой большой.

— Гостей будет много. Ну ладно, мам, я еще позвоню. И ты мне пиши, если что, голосовыми. А я, как смогу, прослушаю.

— Хорошо. Целую, Раечка.

— И я тебя. Ромку поцелуй от меня.

Звонок сбрасываю. Так грустно стало. Но одно хорошо — брату помогут. С чего бы?

Смотрю на Фара, в телефоне что-то печатает.

— Это вы сделали? — спрашиваю смелее обычного.

— Что?

Задаёт вопрос и даже не поворачивается. Продолжает в телефон тыкать. А меня разрывает. Я никогда в жизни так никого не призирила.

— Ну, брата в другую больницу перевели?

— Я за свои слова отвечаю, а ты? — Глаза поднимает. И я смотрю в них. Страшно, но смотрю.

— Придется.

— Энтузиазма можно и добавить. — Вновь тыкает в мобильник. Что он там, в «Марио» играет?

— Ладно. Можно мне домой съездить, мне нужно...

— Нет.

Сглатываю. Глубокий вдох, и снова попытка.

— Мне вещи нужно маме передать, ей не во что переодеться. Они в машине лежат. Ну и себе взять что-то. Зубную щётку ту же...

— Идем.

Резко встает и к двери. Я за ним. Не продолжаю дальше просить. Выходим из кабинета. По коридору, на кухню. Стол

накрыт. Фар молча на стул мне указывает, выполняю.

— Марат, — крикнул. Откуда ни возьмись заваливается громила, а у меня только от его вида поджилки трясутся.

— Сейчас... — видимо, хотел меня как-то назвать, передумал. — Доест, съездите по адресу. Ее сюда потом, сам до больницы. Передать кое-что нужно. Потом за мной. Я в гараже буду.

— Кит метнется, я с кралей возиться... — И тут Фар как глянет на громилу. Тот побледнел даже. Неужели его так бо-
ются, почему? — Сделаю, Фар. Все сделаю.

Фархад не реагирует на охранника. На меня смотрит.

— Я говорю непонятно? Ешь.

Вилку хватаю и в стейк вгоняю. Откусываю, показательно жую. — На все про все полчаса. Никаких вещей себе не брать, поняла? Ну можешь белье взять, хотя какое у тебя белье. Ничего не бери. Телефон Марату отдашь.

— А можно...

— Нельзя, — сказал громко и вышел из кухни.

Есть продолжаю. Одна в помещении. Стейк вкусный, хуже, чем мой, но сойдет. Овощи на гриле тоже заходят только так. Ем, будто год без еды. Чаем запиваю с ежевикой.

А все не так плохо, как я себе напридумывала. Унижает, и пусть. Слова можно вытерпеть. Взгляды его отвратительные. И это я ему отвратительна. Пусть так.

Кормит — уже хорошо. Собаку бы еще свою приструнил. Жуткая, как и хозяин.

А то, что он Ромке помог, вот так, с ходу. За пару часов рокировка. Другая клиника, обследование.

Может, он не такой уж плохой? Не будь дурой, Рая. Плохой и даже хуже. Ужасный, жуткий, жестокий. И все рассказы о нем точно правда. И статьи, и блоги. Думаю, в них только часть правды, а он еще опаснее.

Он животное. Безжалостное и наглое. Требовательный и явно неуравновешенный, раз его взгляда такой громила, как Марат, боится.

Кто он? Что он? Дьявол в человеческом обличье? Точно дьявол. У него даже пса Каин зовут. Кто так собаку называет?

Тима, Бобик, ну на крайняк Шарик. А тут — Каин. Жуть...

Он точно псих ненормальный. И мне с ним быть тридцать дней. А еще, интересно, с какого дня он считает?

Со вчера или сегодня? А если с завтра?

Но спрашивать не спешу. И так зол. Лучше бы мне и впрямь помолчать. Тихо отсижусь в уголке, дай бог, забудет о моем жалком существовании.

Но Рая ошибалась...

Заглядывайте в другую, не менее интересную и захватывающую историю. Бесплатно!

"Молот. Запретная страсть"

<https://litnet.com/shrt/Yhri>

— Где она? — рычит на ме-

ня мордоворот по кличке Молот, а
я из последних сил сдерживаю сле-
зы.
 — Я... я... не знаю...

 — Врешь, сладкая. — Улыбае-
ся мужчина и облизывает губы. Ощу-
щение, что он и впрямь хочет ме-
ня съесть, буквально. — По глазам ви-
жу, что врешь. Твоя мать взяла кое-
что мое и сбежала. А это зна-
чит, красавица, расплачиваться тебе при-
дется...
 Не понимаю, как я мог-
ла оказаться в этом ресторане, еще
и прикованной наручниками к колон-
не. Я просто возвращалась домой, ко-
гда на меня налетели двое муж-
чин и привезли сюда. Но это уже
не в первый раз, когда мама ме-
ня подставляет. Такое и раньше бы-
ло, но сейчас все куда серьезне-
е.
 Молот шутить не станет, я
крепко влипла в неприятности.

 * Невинная героиня с характером
 * Горячо и ме-
стами опасно
 * Бандит – настоящий мужчина

Глава 4

Фар и тут слово сдержал. Марат меня отвез домой, я собрала вещи маме, Ромке. Побольше положила, кто знает, когда маме удастся выбраться из больницы.

Но Фархада я все же послушалась, чуть-чуть совсем. Взяла самое необходимое. В маленький рюкзачок сложила и свои вещи.

Перед выходом оглядела нашу квартиру, словно в последний раз. Но я знаю, что вернусь сюда снова. Должна вернуться.

И мама с Ромой как раз приедут. И мы все забудем. Все плохое, что у нас было. И впереди только счастливая жизнь. Самая счастливая.

Вернулись к мучителю. Марат меня затолкал в комнату, отобрал телефон и ушел.

Прислушалась — тихо. Комнату оглядела. Кровать, стол, телевизор. Неуютно. Никаких мелочей...

Постель заправлена идеально, будто по линейке мерили края покрывала. Ровно лежит поверх постельного. Стол пуст, шторы темные, лишь одна чуть-чуть отодвинута в сторону.

Идеальная чистота.

Кажется, тут никто не живет. Пусто слишком.

Заглянула в ванную. Тут уже хоть что-то: гель для душа,

шампунь, полотенца.

Интересно, а мне можно помыться?

А почему нет. Перед смертью хоть вымоюсь.

Кран повернула, пену в ванну вливаю. С себя стянула одежду и в воду.

Полная набралась. Пена густая. Пахнет кокосом. Намылила голову и нырнула. Выныриваю и понимаю, что в помещении я не одна.

Фар в дверях. Не учили стучаться? Я в ужасе, возмущении. Готова вот-вот лопнуть, так меня злит его наглость. Ни капли уважения к моему личному пространству. А если бы я на унитазе сидела?

Смотрю на его спокойное лицо. Равнодушное. Он даже вида не подает, ни одной мышцей не дернул.

Колени к себе прижала, прикрываюсь. Но из-за пены и так ничего не видно.

— Я... я...

— Готовишься, правильно. Халат накинь и в кровать. Пора отрабатывать помощь.

Сказал и вышел. А я готова в этой ванне сейчас утонуть.

Не буду я с ним... Не хочу... Не смогу

Я не так себе первый раз представляла. Думала, влюблюсь в хорошего парня. Все по согласию. А тут...

Как он так может?

Я не смогу, точно. Что делать? Что придумать?

Тяну время. Моюсь долго, но вечно просидеть я тут не

смогу.

Приказа не выполняю. Надеваю трусики, бюстгалтер, что заранее приготовила. Футболку, шорты, а потом халат. Белый, махровый. Согревает меня.

Выхожу на свой страх и риск. В комнате никого. И вещей моих нет. Рюкзака тоже.

На постели лежит платье: легкое, летнее. Ну конечно, летнее, сейчас же лето.

Размер вроде мой. С биркой. Белье в тряпичном пакете. Такое белье можно сразу надеть, оно отпарено, стерильно.

Сандалии у постели стоят. Приоткрыта коробка.

Это что? Мне надеть нужно? Когда? Сейчас? Не понимаю.

Дверь снова распахивается. Фар на пороге...

— Готова?

Все так же равнодушен. Голос ровный, тон ни выше, ни ниже.

— К чему?

— Рай мне устроить.

— Можно без рая?

Дебильная игра слов с моим именем. Ничего в нем святого...

— Можно без Раи, один звонок — и твой брат...

— Я поняла. Не надо так. Что мне делать?

— Во-первых, запомни, тебе нельзя говорить. Никаких вопросов и уточнений. Вообще. Молчишь, пока я не скажу рот открыть.

— Поняла.

— Я разве разрешал говорить? — молчу. Не отвечаю. Урок усвоила. — Во-вторых, я приказал, ты выполняешь. Без слов, без торгов. Тут же. Иначе последствия будут необратимы. Поняла? Можешь ответить.

— Поняла.

— Ну а теперь раздевайся.

— Я...

— Молча.

Глаза опускаю. Слезы опять подступили. Ну вот и началось. Зря надеялась на пощаду.

Развязываю халат, снимаю, на кровать бросаю. Руки предательски затряслись.

Поднимаю глаза, думала, сжалится, но не тут-то было. Скривился весь, оглядывая мое одеяние.

Футболку вверх тяну, снимаю через голову. Такое унижение я еще никогда не испытывала. Руками стараюсь прикрыться, хорошо бюстгальтер плотный, не просвечивает.

Шорты за резинку, вниз хотела...

— Хватит... На такое у меня даже не встанет. Ложись спать. Выезжаем в четыре утра.

Хотел было выйти из комнаты. Даже шаг сделал.

— А, вот еще. — Телефон на постель кидает. Не мой. Другой какой-то. — Твой телефон. Номер тот же, симка другая, чтобы ты время смотрела. Никому не звонить и не писать. Только номеру, который вбит в телефон. Ясно?

— Ясно, — тихо отвечаю. Хочу, чтобы он ушел поскорее и оставил меня одну. Руками все еще грудь прикрываю. Пытаюсь унять дрожь, но не уходит она.

Фар из комнаты выходит, хлопнув дверью. Вроде несильно, но я вздрагиваю. Этот хлопок как пощечина. Резкая, жгучая. Та, что помимо боли физической, еще и душевную рану наносит. Я вообще теперь от каждого шороха вздрагиваю. И дальше буду. А мужчина только входит во вкус. Думаю, на этом его издевательства не закончатся. Он и дальше будет меня обижать, унижать, обзывать по-всякому. Пока не сломают или не доведет меня до...

До чего? С таким отношением до чего угодно.

И вот я остаюсь одна.

Снова надеваю футболку, будто она меня защитит от него. Но сейчас это моя броня. Единственная, что от взгляда его защищает.

Как же ему нравится меня унижать. Гадости говорить, слова эти обидные. Зачем он так?

Сам же предложил тридцать дней с ним провести, а мог бы и что-то другое потребовать. Работать там на него...

Если я его сексуально не привлекаю, чему рада безмерно, зачем я тут тогда? Для чего? Для чего эта попытка?

Телефон беру в руки, что швырнул на кровать. Классный телефон. Кучу денег стоит.

Абсолютно пустой. Новый?

В телефонной книге всего один контакт, подписан «ма-

ма». Смотрю — и впрямь мамин номер.

Все же в этом жестоком мужчине есть что-то от человека. Что-то незначительное, но мне хватит, чтобы зацепиться.

Спасти, выжить и к маме с братом вернуться.

Пишу маме сообщение, хоть и поздно уже.

«Как вы?»

Молчит. Десять минут жду и получаю заветное сообщение. Голосовое.

«Рая, все хорошо. Не волнуйся. Ромку обследуют. Завтра скажут, когда операция. Он тебе привет передает, спать не могу заставить лечь. Выспался днем. Как ты, доченька? Устроилась на новом месте?»

Сначала дышу. Собираюсь с духом. Мне нужно сделать веселый голос, чтобы мама ничего не заподозрила. Отвечаю голосовым.

«Да, устроилась. Тут очень даже... Думала, хуже будет. Ты мне голосовые пиши, чем больше, тем лучше. Будет время, прослушаю. Но все равно пиши».

«Хорошо, милая. И ты пиши, а то я переживаю, как ты там».

«Ладно. Спокойной вам ночи».

«И тебе».

Телефон на тумбочку, ставлю будильник. И спать.

Глава 4

Фар и тут слово сдержал. Марат меня отвез домой, я собрала вещи маме, Ромке. Побольше положила, кто знает, когда маме удастся выбраться из больницы.

Но Фархада я все же послушалась, чуть-чуть совсем. Взяла самое необходимое. В маленький рюкзачок сложила и свои вещи.

Перед выходом оглядела нашу квартиру, словно в последний раз. Но я знаю, что вернусь сюда снова. Должна вернуться.

И мама с Ромой как раз приедут. И мы все забудем. Все плохое, что у нас было. И впереди только счастливая жизнь. Самая счастливая.

Вернулись к мучителю. Марат меня затолкал в комнату, отобрал телефон и ушел.

Прислушалась — тихо. Комнату оглядела. Кровать, стол, телевизор. Неуютно. Никаких мелочей...

Постель заправлена идеально, будто по линейке мерили края покрывала. Ровно лежит поверх постельного. Стол пуст, шторы темные, лишь одна чуть-чуть отодвинута в сторону.

Идеальная чистота.

Кажется, тут никто не живет. Пусто слишком.

Заглянула в ванную. Тут уже хоть что-то: гель для душа,

шампунь, полотенца.

Интересно, а мне можно помыться?

А почему нет. Перед смертью хоть вымоюсь.

Кран повернула, пену в ванну вливаю. С себя стянула одежду и в воду.

Полная набралась. Пена густая. Пахнет кокосом. Намылила голову и нырнула. Выныриваю и понимаю, что в помещении я не одна.

Фар в дверях. Не учили стучаться? Я в ужасе, возмущении. Готова вот-вот лопнуть, так меня злит его наглость. Ни капли уважения к моему личному пространству. А если бы я на унитазе сидела?

Смотрю на его спокойное лицо. Равнодушное. Он даже вида не подает, ни одной мышцей не дернул.

Колени к себе прижала, прикрываюсь. Но из-за пены и так ничего не видно.

— Я... я...

— Готовишься, правильно. Халат накинь и в кровать. Пора отрабатывать помощь.

Сказал и вышел. А я готова в этой ванне сейчас утонуть.

Не буду я с ним... Не хочу... Не смогу

Я не так себе первый раз представляла. Думала, влюблюсь в хорошего парня. Все по согласию. А тут...

Как он так может?

Я не смогу, точно. Что делать? Что придумать?

Тяну время. Моюсь долго, но вечно просидеть я тут не

смогу.

Приказа не выполняю. Надеваю трусики, бюстгалтер, что заранее приготовила. Футболку, шорты, а потом халат. Белый, махровый. Согревает меня.

Выхожу на свой страх и риск. В комнате никого. И вещей моих нет. Рюкзака тоже.

На постели лежит платье: легкое, летнее. Ну конечно, летнее, сейчас же лето.

Размер вроде мой. С биркой. Белье в тряпичном пакете. Такое белье можно сразу надеть, оно отпарено, стерильно.

Сандалии у постели стоят. Приоткрыта коробка.

Это что? Мне надеть нужно? Когда? Сейчас? Не понимаю.

Дверь снова распахивается. Фар на пороге...

— Готова?

Все так же равнодушен. Голос ровный, тон ни выше, ни ниже.

— К чему?

— Рай мне устроить.

— Можно без рая?

Дебильная игра слов с моим именем. Ничего в нем святого...

— Можно без Раи, один звонок — и твой брат...

— Я поняла. Не надо так. Что мне делать?

— Во-первых, запомни, тебе нельзя говорить. Никаких вопросов и уточнений. Вообще. Молчишь, пока я не скажу рот открыть.

— Поняла.

— Я разве разрешал говорить? — молчу. Не отвечаю. Урок усвоила. — Во-вторых, я приказал, ты выполняешь. Без слов, без торгов. Тут же. Иначе последствия будут необратимы. Поняла? Можешь ответить.

— Поняла.

— Ну а теперь раздевайся.

— Я...

— Молча.

Глаза опускаю. Слезы опять подступили. Ну вот и началось. Зря надеялась на пощаду.

Развязываю халат, снимаю, на кровать бросаю. Руки предательски затряслись.

Поднимаю глаза, думала, сжалится, но не тут-то было. Скривился весь, оглядывая мое одеяние.

Футболку вверх тяну, снимаю через голову. Такое унижение я еще никогда не испытывала. Руками стараюсь прикрыться, хорошо бюстгальтер плотный, не просвечивает.

Шорты за резинку, вниз хотела...

— Хватит... На такое у меня даже не встанет. Ложись спать. Выезжаем в четыре утра.

Хотел было выйти из комнаты. Даже шаг сделал.

— А, вот еще. — Телефон на постель кидает. Не мой. Другой какой-то. — Твой телефон. Номер тот же, симка другая, чтобы ты время смотрела. Никому не звонить и не писать. Только номеру, который вбит в телефон. Ясно?

— Ясно, — тихо отвечаю. Хочу, чтобы он ушел поскорее и оставил меня одну. Руками все еще грудь прикрываю. Пытаюсь унять дрожь, но не уходит она.

Фар из комнаты выходит, хлопнув дверью. Вроде несильно, но я вздрагиваю. Этот хлопок как пощечина. Резкая, жгучая. Та, что помимо боли физической, еще и душевную рану наносит. Я вообще теперь от каждого шороха вздрагиваю. И дальше буду. А мужчина только входит во вкус. Думаю, на этом его издевательства не закончатся. Он и дальше будет меня обижать, унижать, обзывать по-всякому. Пока не сломают или не доведет меня до...

До чего? С таким отношением до чего угодно.

И вот я остаюсь одна.

Снова надеваю футболку, будто она меня защитит от него. Но сейчас это моя броня. Единственная, что от взгляда его защищает.

Как же ему нравится меня унижать. Гадости говорить, слова эти обидные. Зачем он так?

Сам же предложил тридцать дней с ним провести, а мог бы и что-то другое потребовать. Работать там на него...

Если я его сексуально не привлекаю, чему рада безмерно, зачем я тут тогда? Для чего? Для чего эта попытка?

Телефон беру в руки, что швырнул на кровать. Классный телефон. Кучу денег стоит.

Абсолютно пустой. Новый?

В телефонной книге всего один контакт, подписан «ма-

ма». Смотрю — и впрямь мамин номер.

Все же в этом жестоком мужчине есть что-то от человека. Что-то незначительное, но мне хватит, чтобы зацепиться.

Спасти, выжить и к маме с братом вернуться.

Пишу маме сообщение, хоть и поздно уже.

«Как вы?»

Молчит. Десять минут жду и получаю заветное сообщение. Голосовое.

«Рая, все хорошо. Не волнуйся. Ромку обследуют. Завтра скажут, когда операция. Он тебе привет передает, спать не могу заставить лечь. Выспался днем. Как ты, доченька? Устроилась на новом месте?»

Сначала дышу. Собираюсь с духом. Мне нужно сделать веселый голос, чтобы мама ничего не заподозрила. Отвечаю голосовым.

«Да, устроилась. Тут очень даже... Думала, хуже будет. Ты мне голосовые пиши, чем больше, тем лучше. Будет время, прослушаю. Но все равно пиши».

«Хорошо, милая. И ты пиши, а то я переживаю, как ты там».

«Ладно. Спокойной вам ночи».

«И тебе».

Телефон на тумбочку, ставлю будильник. И спать.

Глава 5

— Что ты, блять, сделал?

Сука, знал же, что брат злиться будет, но лучше я скажу, чем сам узнает. И лучше по телефону, так безопаснее. Когда Карим злится, пизда всем вокруг.

— Слушай, я сделал то, что было необходимо.

— Долбоеб ты. Блять, Фар, нахуя?

А это он еще не в курсе, что я за брата ее впрягся. Бабла ввалил нехило, позвонил кому надо. Врача дернул, в клинику определил. Распоряжение отдал: «Если умрет, всем пиздец».

А если Карим узнает — пиздец мне, за кордон валить придется. Только и там спасения мне не светит.

— Так нужно, брат. И ты меня не переубедишь отступить.

— И что ты хочешь сделать? Только не говори, что ты сучку с собой в Эмираты потащишь...

— Через пару часов вылетаем.

— Долбо-е-еб... — говорит протяжно. Тяжело дышит. Зол. — К самолету ее привяжи и взлетай. Пусть проветрится.

— Не мои методы, Карим. Ты же знаешь, я люблю все красиво делать.

— Ха, и как же?

— Сломаю. Уже почти сломал. Фото, видео, полный комплект...

— Ошейник наденешь и трахнешь? — снова ржет. Брат меня знает как никто другой. В свое время он заменил мне отца. Многому научил, но я перенял не все. Карим славится своей жестокостью, а я, как ее? Экстравагантностью. Слово-то какое.

— Как вариант...

— И нахуй возиться? Марату отдай ее, он с парнями сучку как надо припечатает. Будет тебе фотка заебатая. А видео еще лучше.

— Напоследок оставлю. Сначала вожак наиграется, а потом и стаю спущу.

— Бля, посмотреть хочу. Красивая хоть?

— Если бы...

— Уродина? — Карим ржать начинает, взхлеб прям.

— Сам увидишь. Заебалю о сучке трепаться. Что там с узбеками? — Он вообще по делу звонит? Дела сами собой не решатся.

— На мази все. Обещают в срок посылку собрать. К твоему приезду готово будет.

— В Самарканде буду через неделю, подтянешься?

— Да. Тут порешать надо хуйню одну. Мудака одного на место поставить, распоясались совсем без хозяина. Нихуя доверить нельзя... За неделю управлюсь.

— Тогда на связи, брат.

— Фотку шмары своей пришли. Лучше голой.

— Бля, тебе не понравится.

— Ха-ха-ха, вот ты еблан. Хуйней страдаешь. Ну ладно, развлекайся, братишка. На связи.

Выезжать скоро, а мне не спится. Даже намек на сон нет. В самолет этот сраный скоро садится...

А может, брат прав? Нахуй я с этой девкой вожусь? Была бы еще девка нормальная. А эта больная, и на всю голову тоже.

В обморок ебнулась, точно больная. Хорошо, что не тронул ее. Нужно быть уверенным...

Что-то больничка в этот раз с результатами тянет. Марата еще где-то носит...

Куда съехался?

Поспать надо. День трудный завтра. И нужно придумать, как этот Рай дожать. Сука, сломать. Чтобы глаза не поднимала. Не дышала без разрешения.

С виду такая вся... типа боится, а пробивается стерженек. Только со мной не прокатит такое. Я этот стержень вырву из нее. Сломаю, в пыль сотру.

Чтобы покорной стала, забитой, тихой. Тенью, молю невидимой.

Она, сука, получит свое...

Спасибо за интерес к этой истории))

Не забывайте радовать автора своими лайками!

Глава 5

— Что ты, блять, сделал?

Сука, знал же, что брат злиться будет, но лучше я скажу, чем сам узнает. И лучше по телефону, так безопаснее. Когда Карим злится, пизда всем вокруг.

— Слушай, я сделал то, что было необходимо.

— Долбоеб ты. Блять, Фар, нахуя?

А это он еще не в курсе, что я за брата ее впрягся. Бабла ввалил нехило, позвонил кому надо. Врача дернул, в клинику определил. Распоряжение отдал: «Если умрет, всем пиздец».

А если Карим узнает — пиздец мне, за кордон валить придется. Только и там спасения мне не светит.

— Так нужно, брат. И ты меня не переубедишь отступить.

— И что ты хочешь сделать? Только не говори, что ты сучку с собой в Эмираты потащишь...

— Через пару часов вылетаем.

— Долбо-е-еб... — говорит протяжно. Тяжело дышит. Зол. — К самолету ее привяжи и взлетай. Пусть проветрится.

— Не мои методы, Карим. Ты же знаешь, я люблю все красиво делать.

— Ха, и как же?

— Сломаю. Уже почти сломал. Фото, видео, полный комплект...

— Ошейник наденешь и трахнешь? — снова ржет. Брат меня знает как никто другой. В свое время он заменил мне отца. Многому научил, но я перенял не все. Карим славится своей жестокостью, а я, как ее? Экстравагантностью. Слово-то какое.

— Как вариант...

— И нахуй возиться? Марату отдай ее, он с парнями сучку как надо припечатает. Будет тебе фотка заебатая. А видео еще лучше.

— Напоследок оставлю. Сначала вожак наиграется, а потом и стаю спущу.

— Бля, посмотреть хочу. Красивая хоть?

— Если бы...

— Уродина? — Карим ржать начинает, взхлеб прям.

— Сам увидишь. Заебалю о сучке трепаться. Что там с узбеками? — Он вообще по делу звонит? Дела сами собой не решатся.

— На мази все. Обещают в срок посылку собрать. К твоему приезду готово будет.

— В Самарканде буду через неделю, подтянешься?

— Да. Тут порешать надо хуйню одну. Мудака одного на место поставить, распоясались совсем без хозяина. Нихуя доверить нельзя... За неделю управлюсь.

— Тогда на связи, брат.

— Фотку шмары своей пришли. Лучше голой.

— Бля, тебе не понравится.

— Ха-ха-ха, вот ты еблан. Хуйней страдаешь. Ну ладно, развлекайся, братишка. На связи.

Выезжать скоро, а мне не спится. Даже намек на сон нет. В самолет этот сраный скоро садится...

А может, брат прав? Нахуй я с этой девкой вожусь? Была бы еще девка нормальная. А эта больная, и на всю голову тоже.

В обморок ебнулась, точно больная. Хорошо, что не тронул ее. Нужно быть уверенным...

Что-то больничка в этот раз с результатами тянет. Марата еще где-то носит...

Куда съехался?

Поспать надо. День трудный завтра. И нужно придумать, как этот Рай дожать. Сука, сломать. Чтобы глаза не поднимала. Не дышала без разрешения.

С виду такая вся... типа боится, а пробивается стерженек. Только со мной не прокатит такое. Я этот стержень вырву из нее. Сломаю, в пыль сотру.

Чтобы покорной стала, забитой, тихой. Тенью, молю невидимой.

Она, сука, получит свое...

Спасибо за интерес к этой истории))

Не забывайте радовать автора своими лайками!

Глава 6

Встаю по будильнику. Три утра. Умываюсь, надеваю все, что мне вчера приготовили. Подхожу к зеркалу.

Одежда странная, совсем не мой стиль.

Легкое платье с большим вырезом. Надо же, даже белье подобрано идеально под декольте. Коротковато, чувствую себя в нем слишком открыто, незащищенной.

Да я и не защищена.

Сандалии по размеру. Надеваю сразу, новые же.

Расчесываю волосы, выются немного, но ничего. Утюжка нет, а значит, выпрямить не удастся.

В комнате нет большого зеркала, поэтому пытаюсь смотреть в зеркало в ванной. Неплохо выгляжу. Натурально.

Косметики тоже нет, у меня теперь ничего нет.

Просидела на постели минут десять. Ничего не происходит. Телефон беру: без двадцати четыре.

Может, мне спуститься нужно?

Или нельзя без разрешения?

После недолгих раздумий решаю выйти из комнаты. Я же не пленница?

Или все-таки пленница?

Дверь открываю, осторожно выглядываю в коридор. Темно и тихо. Пса не видно, что уже радует.

Выхожу из комнаты. Прохожу пару метров и слышу рыча-

ние сзади. Боюсь обернуться.

Страх обуял. Сердце не то что в пятки упало...

Свалилось и больше не бьется. Руки дрожат, а мозг выходит. И он передо мной. Дверь в какую-то комнату. Открываю резко и забегаю внутрь. Захлопываю. Слышу, как пес за дверью рычит. Прислушиваюсь.

Как мне теперь отсюда выйти?

И тут я понимаю, в какую спальню я заскочила...

Разворачиваюсь и вижу его...

Фар стоит посреди комнаты. Раздет. Не полностью, трусы на нем все же присутствуют. Но остальное...

Засматриваюсь...

На тело.

Оно покрыто тату, не полностью, но в основном. Руки, грудь, живот, ноги...

У него неплохая фигура, чисто мужская. Узкий таз, широкие плечи. Все мышцы выделяются, немного напряжены. Грудные и вовсе дернулись, когда я обернулась.

Но вот лицо...

Злостью наполнено. Он рассержен? Тем, что я в его комнату вторглась?

Но там же собака...

— Насмотрелась?

Грубо мне. Я тут же взгляд с тела на лицо его переключаю. Но и это ему не нравится.

— Простите, там собака...

— Хули из комнаты выперлась?

— Не знаю.

— Больная и тупая. Отлично, — безразлично говорит и идет к шкафу. Я уже на его оскорбления так остро не реагирую. Пропускаю мимо ушей.

Отодвигает дверцу шкафа-купе, а там куча костюмов. Надевает темно-синий. Рубашка, брюки. Черные носки....

И почему я все еще смотрю?

Да потому что никогда не видела таких мужчин. Фигура заточена, каждая мышца прокачана. Рисунки на теле... Так необычно. Я тоже когда-то хотела себе тату, но иголок боюсь. Да и на моей бледной коже не будет смотреться.

А Фару идет. Будто это его вторая кожа. Карта жизни...

Ближе подходит, и на меня строго пялится. Обычно будто сквозь, а тут пристально. Исподлобья.

— Ты меня слышишь?

— Что? — не слышала. Он говорил что-то? Увлеклась разглядыванием.

— Пройти дай.

— Собаку не пускайте только.

— Ха, я подумаю...

Дверь открывает, пес тут же в комнату. Сама не знаю, как, но я мгновенно хватаюсь за мощную спину мужчины и оказываюсь за ним. Себя прикрываю.

Чувствую, как напряглось все мое тело. Пальцы впились в Фара, будто сейчас насквозь его прокалю. Ужас все тело

судорогой сковал, не в силах пошевелиться.

— Каин, место. — Грубый приказ. Пес на попу сел. Не рычит даже.

А у меня инсульт. Точно, он самый. Речь пропала, вдохнуть не могу, рук не чувствую.

— Божечки... — изо рта моего мольба вырывается. Жалко звучит...

— Отцепись ты уже. Все, не тронет он, иди. — Недовольство в голосе. И снова я его раздражаю. Но я не специально... Правда страшно.

Отпускаю руки. Фар поправляет пиджак, нервно вздергивая плечами.

Из комнаты выхожу, он за мной. Головой махнул вперед, иду. Вниз по лестнице, а в прихожей Марат стоит.

— Самолет готов, вещи загружены.

— Отлично. Едем.

— Самолет? — не выдерживаю. Мы что, улетаем? Куда?

Но моя дерзость вновь разозлила короля. Я губы сжала, будто и вовсе не открывала рот и ему показалось. Взгляд на меня кинул, тот, что до костей пробирает и петлей ужаса стягивает.

Мой вопрос снова был проигнорирован.

Выходим на улицу и садимся в машину. Причем я еду в первой машине, а Фар — во второй. Видимо, я его так достала, что он даже поездки в авто со мной выдержать не может. И ладно. Мне тоже хорошо без него.

Ну а дальше вообще как во сне. Приехали в аэропорт. Паспортный контроль я прохожу по заграничному паспорту, которого у меня в помине никогда не было.

А сейчас держу в руках документ. Читаю: Аксенова Раиса Станиславовна. Это я. И фото мое. Откуда? Фотка такая же, как и в российском паспорте. Когда он успел сделать мне документ? Он же долго делается. Два дня всего прошло...

Хотя я не удивлена. Для Фархада нет ничего невозможного, подумаешь, паспорт какой-то. Он вон брату какое лечение обеспечил, в клинику перевез. Для него все это мелочи...

Мы вновь садимся в машину и едем. Куда?

И я поняла куда. К самолету. Не к такому, куда людей подвозят автобусами, а к частному самолету. Он большой, а в фильмах кажется меньше.

Идем, потом по лестнице. Стюардесса встречает. Красивая, в черном костюме, что идеально сидит по фигуре. Красные губы, на глазах стрелки. Улыбается и приглашает внутрь.

С нами Марат и еще четыре парня. Все заходим в самолет.

Торможу в проходе. Здесь пахнет так же, как в доме. Что у него за любовь к этому запаху? Древесному, с нотками хвои, будто по лесу иду.

Салон бежево-коричного цвета. Кресла в два ряда, а чуть дальше — еще одна дверь. Что за ней?

Марат меня небрежно подталкивает в сторону. Указывает

на кресло. Прохожу меж сидений и к окошку.

Охрана садится в другом ряду. Фархад и вовсе отдельно, передо мной, но тоже один.

Пристегиваю ремень. Так же надо делать? Я впервые лечу на частном самолете. Да я вообще впервые лечу. Куда лечу?

И пока я погружена в свои мысли, слышу, как начинает говорить капитан корабля. Вернее, я услышала самое главное:

«... Москва – Дубай, время в полете составит пять часов...»

Что? Дубай? Это тот, что в Эмиратах? Зачем нам туда? Мне в частности?

Что вообще происходит?

Да, вопросов в голове мама не горюй, но задавать их я не спешу. Нарываться не стоит. Фар и так что-то без настроения. Слишком нервным кажется.

Это я его так разозлила, что ворвалась в его спальню? Или что?

На взлете немного страшно, но я держу себя в руках. Страх — уже привычное для меня чувство, и, кажется, я остро теперь его не ощущаю.

Летим. Скучно. Начинаю смотреть по сторонам. Хоть бы книжку какую дали. Смотрю, у охраны наушники. И у меня есть. Вот они, в кармашке. Отлично. А еще можно к бортовой сети Wi-Fi подключиться. Читаю инструкцию и делаю...

Включаю фильм на телефоне. Прекрасно, скоротаю время

полета.

Краем глаза замечаю, как Фар пересел. На диван, что перед той дверью. Может, там туалет? Большой сильно.

— Что-то хотите? Воды, сок, фрукты? — уточняет у меня стюардесса. Вот это сервис.

— А можно кофе?

— Да, конечно. Печенье, чизкейк?

— Чизкейк. А где туалет? — спрашиваю тихонько.

— За этой дверью, слева.

— Спасибо.

С места встаю и иду по направлению к двери. По сторонам не смотрю, глаза вниз, как мне и приказывали.

А за дверью-то комната. Полноценная комната с кроватью, тумбой. Слева еще дверь, туда-то мне и нужно.

Туалетная комната небольшая. А зачем? В самый раз. Я не столько в туалет захотела, как руки помыть и умыться.

Со мной столько нового сейчас произошло, начиная от паспорта и заканчивая полетом, что нервы сдали и практически из меня вышли. Лицо блестит, горит. Умываюсь прохладной водой, сразу стало свежо.

Смотрю на себя в зеркало, кажется, я похудела. Синяки под глазами. А у меня даже косметики нет, чтобы замазать. Да у меня ничего нет, только вещи, что вчера выдали, и телефон. Бред какой-то.

Дверь дергаю, выхожу, а перед дверью стоит он.

ФАР:

Сколько раз говорил ей: глаза в пол, но нет же, сучка, пялиться продолжает. Думал, девка совсем бесхарактерная, а оказалось...

Как смотрела сегодня, даже у меня интерес разыгрался. На долю секунды, правда. Теперь не просто сломать ее хочется. Подчинить, на цепь посадить и дергать по своему желанию.

Хотел, чтобы о пощаде молила, чтобы колени в кровь стерла, чтобы скулила тварь. Но передумал. Теперь хочу услышать, как будет просить остаться. Чтобы хотела подо мной оказаться. Умоляла трахать ее...

А я вышвырну. Как вещь ненужную. Ничтожную девку. Мусор, что под ногами валяется.

Осталось дожидаться от дока вестей, что девка чиста на всякие болячки. Я за здоровьем слежу и куда попало хуй не сую. Только если в рот ей...

А она уже этого хочет. Не осознала пока. Дурой прикидывается, как и все они. Сучки продажные.

Вся такая типа ранимая, от мата ее передергивает. От оскорблений сразу ежится, глазки в кучку, будто неприятно слышать. А это я еще не жестил, так, разогреваюсь.

Но сама сказала, что на все готова. Продалась. И пусть не за бабки, за одолжение, но продалась. А стоит мне бабками перед носом махнуть, так тут же ноги в стороны. Себя предлагать станет. Да только не в моем вкусе девка. Совсем. Мне нравятся с характером, дерзкие, страстные. Чтоб льви-

цей была, а эта больше на овцу похожа. И то на ту, что из стада выбилась. Тупая и больная вдобавок.

Пса она испугалась. Хуевая актриса. Хотя шрам на руке настоящий. Крепко ее прихватила собака. Но Каин не стал бы. Он не кровожадный. Наоборот, сколько его не злил — без толку. Хорошая псина.

И вот она передо мной. Глаза свои синие вытаращила, рот приоткрыла. Губы зачет, тут без вопросов. Подводки ей не хватает. Я нарисую пенку молочную, только не молоком.

А может, сейчас? Хуево мне. Вроде таблеток вкатил, но не берет в этот раз. Ебущая паника. Сколько бабок угробил в лечение, нихуя не помогает. А сейчас в Дубай прилетим, там тоже эти высоты.

Слабость моя ебаная. Злит. И эта еще вытаращилась. Ресницами хлопает.

В платье выглядит лучше, чем вчера в нелепой одежде. Хотя сиськи я заценил. Пусть в белье сраном, но дар природы налицо. Тройка. Упругая, своя. Без перекроя.

Да она вся без единого шва. Хирург не работал. Куда ей, блять. Зарабатывает копейки.

Даже интересно...

Давно у меня сисек нормальных в руках не было.

Да и фигура ничего вроде. Жопу не заценил еще...

А почему бы и не сейчас.

Хватаю за руку, разворачиваю спиной и к тумбе. Руки ее кладу на поверхность сверху. Ладонями вниз.

Грозное:

— Так стой.

Стоит. Не дышит. Трясется. Страшно сучке, а будет страшней. Я устрою. Гандона нет с собой, так бы прям сейчас ей всадил, чтобы не брыкалась больше. Но резинки не для меня. Я ей роспись хочу оставить на пояснице или на булке упругой, что сейчас сжимаю.

Сильно, чтобы боль ощутила. Чтобы знала, что ждет ее в будущий месяц...

Слышу, как дышит. Наваливаюсь сзади, всем весом, жопу к себе.

В затылок ей утыкаюсь. А пахнет приятно. Не духами, чем-то...

Хуй знает, но нравится мне. Надо же, встал. С ходу. Думал, на такую не выйдет.

Членом к булкам прижимаюсь, трюсь немного, чтобы мощь мою ощутила. Вдохновилась сучка...

Но она наоборот. Напряглась еще больше. Трясется.

Сиськи ее обхватываю, сминаю, ахуенные. Так бы и рванул платье вниз сейчас, оголил соски ее сочные...

И тут этот ебанный самолет как тряхнет. Я даже глаза закрыл. В нее сильнее вжался. Вдох, легкие наполняются, сердце ебашит чечетку.

Паническая атака? Не стоит до этого доводить.

Сексом займу себя, и отпустит.

Руками под платье, по коже веду. Чувствую трусики, мяг-

кие. А по мне, пусть насквозь мокрые будут...

Сильнее жмусь. Дышу в спину ей, в волосы...

— Не надо... Пожалуйста, — заскулила сучка. Но меня уже хуй остановишь.

— Заткнись. Говорить не разрешалось.

Говорю и трусики потянул. Слышу, всхлипнула. Нить вздумала?

Дура, нет?

Столько баб хотят на ее место. Просто расслабься и получай удовольствие, пока трахают. Я не жадный и ее доведу. Сравнит, какого это — трахаться с нормальным мужиком, а не... с кем там она еблась до этого.

— Пожалуйста, не надо. Прошу...

Вовсю ноет. Закатилась, у меня даже падать стал. Бабские слезы — это пиздец. Антистояк.

— Заебала. Не дергайся. На первый раз пожалею. Трахну по-быстрому...

— Я еще ни с кем не... — ревет взхлеб.

Остановился. На полпути, только с булок трусы стянул и впал в ебанный ступор. Вот же ушлая сука, спиздеть мне решила?

— Не понял? — уточняю зачем-то, хотя и так понятно, что лажу сует мне.

— Я не занималась еще сексом. Не надо меня... Пожалуйста.

И снова ревет. Всхлипывает и будто вот-вот задохнется.

Воздух вдыхает рывками. А я одуплить не могу, пиздит или нет? Да по-любому пиздит. Лет дохуя, и никто не трахнул? Ха, чешет-то как...

В ресторане работает, мужики кругом, и не распечатали суку?

Блядь, думаю, но назад все же сдаю.

Отпускаю. Шаг от нее. Она трусы поправляет и платье вниз. Не поворачивается. Так и стоит, только слезы свои трет без остановки.

— Стюардессу сюда позови.

— Что?

— Или можешь сама отсосать. У меня стояк, нужно решить проблему.

— Сейчас позову. — И пулей за дверь. Улыбаюсь. А хули я улыбаюсь. Девка меня развела, как лоха.

Поверил? Нихуя. Отчет от дока придет, правда и всплывет. Заставлю суку сожрать эту бумажку, где написано, что траханная она неоднократно.

А вот и Жанночка...

Эта уже прикормлена мною. Дверь за собой закрывает, лисой смотрит. Хочет отведать Фара на вкус. Забыла, наверное. Давненько с ней не летал на одном рейсе.

На кровать сажусь, махнул головой на ширинку.

Сразу к делу. Ремень, ширинку, и вот хуй у нее во рту. Помаду эту ебливую потом хер сотрешь. А нет, не марает. Подготовилась...

Все, как надо, делает, опыта у шаболды до жопы. Даже неинтересно.

А что мне интересно?

Я знаю.

С Жанкой быстро закончил. В туалет захожу. Умываюсь. Нахуй пиджак. И так дышать нечем.

Выхожу. Эта к окну отвернулась. Ноги поджала, себя обняла. Как щенок брошенный. Наушники в уши, фильм смотрит.

Глаза красные, опухли немного. На меня не смотрит. И нехуй...

Марата к себе подзываю, спрашиваю про больничку. Хочу девку на вранье поймать. Скинул док, а Марат мне перекинул. Читаю рекомендации.

«... железо, низкий уровень гемоглобина. Выраженная анемия...»

Потом херня всякая — отрицательно, по всем пунктам. Девка чиста. Можно трахать и не бояться.

— Ебать...

Вслух сказал. Марат даже дернулся от нежданчика. Наготове парнишка.

Док пишет «девственница». Да ну нахуй? Снова на сучку смотрю. В той же позе сидит. Все еще себя обнимает. Защищается ото всего.

Не ожидал...

Совсем.

Ну а что? Так даже лучше. Целку пробую нехуй делать. А первый, как известно, в память въедается. Оставляю свой отпечаток не только во всех отверстиях, но и в голове ее.

Будет всю жизнь вспоминать, какого это — трахаться с Фаром.

Сука, не так все. С самого начала не так. Я привык по-другому. Выбираю сучку, ломаю, выбрасываю.

А с этой не то что-то. Во-первых, она слишком отчаявшаяся. Побитая жизнью без моего участия. Лажа...

Целка, опять же. Были у меня типа целки. Целка — с сиськами силиконовыми, наеб, однако.

А эта...

Просит, чтобы не трогал, но у самой в глазах нет сопротивления. Сдалась? Без боя даже, а так мне неинтересно. Я мясо трахать не буду. Не могу...

Но я знаю, если человек сдался, обратно в нем стержень не затвердеет.

Может, ее домой отправить, нахуй возиться?

Ладно, подумаю...

Глава 6

Встаю по будильнику. Три утра. Умываюсь, надеваю все, что мне вчера приготовили. Подхожу к зеркалу.

Одежда странная, совсем не мой стиль.

Легкое платье с большим вырезом. Надо же, даже белье подобрано идеально под декольте. Коротковато, чувствую себя в нем слишком открыто, незащищенной.

Да я и не защищена.

Сандалии по размеру. Надеваю сразу, новые же.

Расчесываю волосы, выются немного, но ничего. Утюжка нет, а значит, выпрямить не удастся.

В комнате нет большого зеркала, поэтому пытаюсь смотреть в зеркало в ванной. Неплохо выгляжу. Натурально.

Косметики тоже нет, у меня теперь ничего нет.

Просидела на постели минут десять. Ничего не происходит. Телефон беру: без двадцати четыре.

Может, мне спуститься нужно?

Или нельзя без разрешения?

После недолгих раздумий решаю выйти из комнаты. Я же не пленница?

Или все-таки пленница?

Дверь открываю, осторожно выглядываю в коридор. Темно и тихо. Пса не видно, что уже радует.

Выхожу из комнаты. Прохожу пару метров и слышу рыча-

ние сзади. Боюсь обернуться.

Страх обуял. Сердце не то что в пятки упало...

Свалилось и больше не бьется. Руки дрожат, а мозг выходит. И он передо мной. Дверь в какую-то комнату. Открываю резко и забегаю внутрь. Захлопываю. Слышу, как пес за дверью рычит. Прислушиваюсь.

Как мне теперь отсюда выйти?

И тут я понимаю, в какую спальню я заскочила...

Разворачиваюсь и вижу его...

Фар стоит посреди комнаты. Раздет. Не полностью, трусы на нем все же присутствуют. Но остальное...

Засматриваюсь...

На тело.

Оно покрыто тату, не полностью, но в основном. Руки, грудь, живот, ноги...

У него неплохая фигура, чисто мужская. Узкий таз, широкие плечи. Все мышцы выделяются, немного напряжены. Грудные и вовсе дернулись, когда я обернулась.

Но вот лицо...

Злостью наполнено. Он рассержен? Тем, что я в его комнату вторглась?

Но там же собака...

— Насмотрелась?

Грубо мне. Я тут же взгляд с тела на лицо его переключаю. Но и это ему не нравится.

— Простите, там собака...

— Хули из комнаты выперлась?

— Не знаю.

— Больная и тупая. Отлично, — безразлично говорит и идет к шкафу. Я уже на его оскорбления так остро не реагирую. Пропускаю мимо ушей.

Отодвигает дверцу шкафа-купе, а там куча костюмов. Надевает темно-синий. Рубашка, брюки. Черные носки....

И почему я все еще смотрю?

Да потому что никогда не видела таких мужчин. Фигура заточена, каждая мышца прокачана. Рисунки на теле... Так необычно. Я тоже когда-то хотела себе тату, но иголок боюсь. Да и на моей бледной коже не будет смотреться.

А Фару идет. Будто это его вторая кожа. Карта жизни...

Ближе подходит, и на меня строго пялится. Обычно будто сквозь, а тут пристально. Исподлобья.

— Ты меня слышишь?

— Что? — не слышала. Он говорил что-то? Увлеклась разглядыванием.

— Пройти дай.

— Собаку не пускайте только.

— Ха, я подумаю...

Дверь открывает, пес тут же в комнату. Сама не знаю, как, но я мгновенно хватаюсь за мощную спину мужчины и оказываюсь за ним. Себя прикрываю.

Чувствую, как напряглось все мое тело. Пальцы впились в Фара, будто сейчас насквозь его прокалю. Ужас все тело

судорогой сковал, не в силах пошевелиться.

— Каин, место. — Грубый приказ. Пес на попу сел. Не рычит даже.

А у меня инсульт. Точно, он самый. Речь пропала, вдохнуть не могу, рук не чувствую.

— Божечки... — изо рта моего мольба вырывается. Жалко звучит...

— Отцепись ты уже. Все, не тронет он, иди. — Недовольство в голосе. И снова я его раздражаю. Но я не специально... Правда страшно.

Отпускаю руки. Фар поправляет пиджак, нервно вздергивая плечами.

Из комнаты выхожу, он за мной. Головой махнул вперед, иду. Вниз по лестнице, а в прихожей Марат стоит.

— Самолет готов, вещи загружены.

— Отлично. Едем.

— Самолет? — не выдерживаю. Мы что, улетаем? Куда?

Но моя дерзость вновь разозлила короля. Я губы сжала, будто и вовсе не открывала рот и ему показалось. Взгляд на меня кинул, тот, что до костей пробирает и петлей ужаса стягивает.

Мой вопрос снова был проигнорирован.

Выходим на улицу и садимся в машину. Причем я еду в первой машине, а Фар — во второй. Видимо, я его так достала, что он даже поездки в авто со мной выдержать не может. И ладно. Мне тоже хорошо без него.

Ну а дальше вообще как во сне. Приехали в аэропорт. Паспортный контроль я прохожу по заграничному паспорту, которого у меня в помине никогда не было.

А сейчас держу в руках документ. Читаю: Аксенова Раиса Станиславовна. Это я. И фото мое. Откуда? Фотка такая же, как и в российском паспорте. Когда он успел сделать мне документ? Он же долго делается. Два дня всего прошло...

Хотя я не удивлена. Для Фархада нет ничего невозможного, подумаешь, паспорт какой-то. Он вон брату какое лечение обеспечил, в клинику перевез. Для него все это мелочи...

Мы вновь садимся в машину и едем. Куда?

И я поняла куда. К самолету. Не к такому, куда людей подвозят автобусами, а к частному самолету. Он большой, а в фильмах кажется меньше.

Идем, потом по лестнице. Стюардесса встречает. Красивая, в черном костюме, что идеально сидит по фигуре. Красные губы, на глазах стрелки. Улыбается и приглашает внутрь.

С нами Марат и еще четыре парня. Все заходим в самолет.

Торможу в проходе. Здесь пахнет так же, как в доме. Что у него за любовь к этому запаху? Древесному, с нотками хвои, будто по лесу иду.

Салон бежево-коричного цвета. Кресла в два ряда, а чуть дальше — еще одна дверь. Что за ней?

Марат меня небрежно подталкивает в сторону. Указывает

на кресло. Прохожу меж сидений и к окошку.

Охрана садится в другом ряду. Фархад и вовсе отдельно, передо мной, но тоже один.

Пристегиваю ремень. Так же надо делать? Я впервые лечу на частном самолете. Да я вообще впервые лечу. Куда лечу?

И пока я погружена в свои мысли, слышу, как начинает говорить капитан корабля. Вернее, я услышала самое главное:

«... Москва – Дубай, время в полете составит пять часов...»

Что? Дубай? Это тот, что в Эмиратах? Зачем нам туда? Мне в частности?

Что вообще происходит?

Да, вопросов в голове мама не горюй, но задавать их я не спешу. Нарываться не стоит. Фар и так что-то без настроения. Слишком нервным кажется.

Это я его так разозлила, что ворвалась в его спальню? Или что?

На взлете немного страшно, но я держу себя в руках. Страх — уже привычное для меня чувство, и, кажется, я остро теперь его не ощущаю.

Летим. Скучно. Начинаю смотреть по сторонам. Хоть бы книжку какую дали. Смотрю, у охраны наушники. И у меня есть. Вот они, в кармашке. Отлично. А еще можно к бортовой сети Wi-Fi подключиться. Читаю инструкцию и делаю...

Включаю фильм на телефоне. Прекрасно, скоротаю время

полета.

Краем глаза замечаю, как Фар пересел. На диван, что перед той дверью. Может, там туалет? Большой сильно.

— Что-то хотите? Воды, сок, фрукты? — уточняет у меня стюардесса. Вот это сервис.

— А можно кофе?

— Да, конечно. Печенье, чизкейк?

— Чизкейк. А где туалет? — спрашиваю тихонько.

— За этой дверью, слева.

— Спасибо.

С места встаю и иду по направлению к двери. По сторонам не смотрю, глаза вниз, как мне и приказывали.

А за дверью-то комната. Полноценная комната с кроватью, тумбой. Слева еще дверь, туда-то мне и нужно.

Туалетная комната небольшая. А зачем? В самый раз. Я не столько в туалет захотела, как руки помыть и умыться.

Со мной столько нового сейчас произошло, начиная от паспорта и заканчивая полетом, что нервы сдали и практически из меня вышли. Лицо блестит, горит. Умываюсь прохладной водой, сразу стало свежо.

Смотрю на себя в зеркало, кажется, я похудела. Синяки под глазами. А у меня даже косметики нет, чтобы замазать. Да у меня ничего нет, только вещи, что вчера выдали, и телефон. Бред какой-то.

Дверь дергаю, выхожу, а перед дверью стоит он.

ФАР:

Сколько раз говорил ей: глаза в пол, но нет же, сучка, пялиться продолжает. Думал, девка совсем бесхарактерная, а оказалось...

Как смотрела сегодня, даже у меня интерес разыгрался. На долю секунды, правда. Теперь не просто сломать ее хочется. Подчинить, на цепь посадить и дергать по своему желанию.

Хотел, чтобы о пощаде молила, чтобы колени в кровь стерла, чтобы скулила тварь. Но передумал. Теперь хочу услышать, как будет просить остаться. Чтобы хотела подо мной оказаться. Умоляла трахать ее...

А я вышвырну. Как вещь ненужную. Ничтожную девку. Мусор, что под ногами валяется.

Осталось дожидаться от дока вестей, что девка чиста на всякие болячки. Я за здоровьем слежу и куда попало хуй не сую. Только если в рот ей...

А она уже этого хочет. Не осознала пока. Дурой прикидывается, как и все они. Сучки продажные.

Вся такая типа ранимая, от мата ее передергивает. От оскорблений сразу ежится, глазки в кучку, будто неприятно слышать. А это я еще не жестил, так, разогреваюсь.

Но сама сказала, что на все готова. Продалась. И пусть не за бабки, за одолжение, но продалась. А стоит мне бабками перед носом махнуть, так тут же ноги в стороны. Себя предлагать станет. Да только не в моем вкусе девка. Совсем. Мне нравятся с характером, дерзкие, страстные. Чтоб льви-

цей была, а эта больше на овцу похожа. И то на ту, что из стада выбилась. Тупая и больная вдобавок.

Пса она испугалась. Хуевая актриса. Хотя шрам на руке настоящий. Крепко ее прихватила собака. Но Каин не стал бы. Он не кровожадный. Наоборот, сколько его не злил — без толку. Хорошая псина.

И вот она передо мной. Глаза свои синие вытаращила, рот приоткрыла. Губы зачет, тут без вопросов. Подводки ей не хватает. Я нарисую пенку молочную, только не молоком.

А может, сейчас? Хуево мне. Вроде таблеток вкатил, но не берет в этот раз. Ебучая паника. Сколько бабок угробил в лечение, нихуя не помогает. А сейчас в Дубай прилетим, там тоже эти высоты.

Слабость моя ебаная. Злит. И эта еще вытаращилась. Ресницами хлопает.

В платье выглядит лучше, чем вчера в нелепой одежде. Хотя сиськи я заценил. Пусть в белье сраном, но дар природы налицо. Тройка. Упругая, своя. Без перекроя.

Да она вся без единого шва. Хирург не работал. Куда ей, блять. Зарабатывает копейки.

Даже интересно...

Давно у меня сисек нормальных в руках не было.

Да и фигура ничего вроде. Жопу не заценил еще...

А почему бы и не сейчас.

Хватаю за руку, разворачиваю спиной и к тумбе. Руки ее кладу на поверхность сверху. Ладонями вниз.

Грозное:

— Так стой.

Стоит. Не дышит. Трясется. Страшно сучке, а будет страшней. Я устрою. Гандона нет с собой, так бы прям сейчас ей всадил, чтобы не брыкалась больше. Но резинки не для меня. Я ей роспись хочу оставить на пояснице или на булке упругой, что сейчас сжимаю.

Сильно, чтобы боль ощутила. Чтобы знала, что ждет ее в будущий месяц...

Слышу, как дышит. Наваливаюсь сзади, всем весом, жопу к себе.

В затылок ей утыкаюсь. А пахнет приятно. Не духами, чем-то...

Хуй знает, но нравится мне. Надо же, встал. С ходу. Думал, на такую не выйдет.

Членом к булкам прижимаюсь, трюсь немного, чтобы мощь мою ощутила. Вдохновилась сучка...

Но она наоборот. Напряглась еще больше. Трясется.

Сиськи ее обхватываю, сминаю, ахуенные. Так бы и рванул платье вниз сейчас, оголил соски ее сочные...

И тут этот ебанный самолет как тряхнет. Я даже глаза закрыл. В нее сильнее вжался. Вдох, легкие наполняются, сердце ебашит чечетку.

Паническая атака? Не стоит до этого доводить.

Сексом займу себя, и отпустит.

Руками под платье, по коже веду. Чувствую трусики, мяг-

кие. А по мне, пусть насквозь мокрые будут...

Сильнее жмусь. Дышу в спину ей, в волосы...

— Не надо... Пожалуйста, — заскулила сучка. Но меня уже хуй остановишь.

— Заткнись. Говорить не разрешалось.

Говорю и трусики потянул. Слышу, всхлипнула. Нить вздумала?

Дура, нет?

Столько баб хотят на ее место. Просто расслабься и получай удовольствие, пока трахают. Я не жадный и ее доведу. Сравнит, какого это — трахаться с нормальным мужиком, а не... с кем там она еблась до этого.

— Пожалуйста, не надо. Прошу...

Вовсю ноет. Закатилась, у меня даже падать стал. Бабские слезы — это пиздец. Антистояк.

— Заебала. Не дергайся. На первый раз пожалею. Трахну по-быстрому...

— Я еще ни с кем не... — ревет взхлеб.

Остановился. На полпути, только с булок трусы стянул и впал в ебанный ступор. Вот же ушлая сука, спиздеть мне решила?

— Не понял? — уточняю зачем-то, хотя и так понятно, что лажу сует мне.

— Я не занималась еще сексом. Не надо меня... Пожалуйста.

И снова ревет. Всхлипывает и будто вот-вот задохнется.

Воздух вдыхает рывками. А я одуплить не могу, пиздит или нет? Да по-любому пиздит. Лет дохуя, и никто не трахнул? Ха, чешет-то как...

В ресторане работает, мужики кругом, и не распечатали суку?

Блядь, думаю, но назад все же сдаю.

Отпускаю. Шаг от нее. Она трусы поправляет и платье вниз. Не поворачивается. Так и стоит, только слезы свои трет без остановки.

— Стюардессу сюда позови.

— Что?

— Или можешь сама отсосать. У меня стояк, нужно решить проблему.

— Сейчас позову. — И пулей за дверь. Улыбаюсь. А хули я улыбаюсь. Девка меня развела, как лоха.

Поверил? Нихуя. Отчет от дока придет, правда и всплывет. Заставлю суку сожрать эту бумажку, где написано, что траханная она неоднократно.

А вот и Жанночка...

Эта уже прикормлена мною. Дверь за собой закрывает, лисой смотрит. Хочет отведать Фара на вкус. Забыла, наверное. Давненько с ней не летал на одном рейсе.

На кровать сажусь, махнул головой на ширинку.

Сразу к делу. Ремень, ширинку, и вот хуй у нее во рту. Помаду эту ебливую потом хер сотрешь. А нет, не марает. Подготовилась...

Все, как надо, делает, опыта у шаболды до жопы. Даже неинтересно.

А что мне интересно?

Я знаю.

С Жанкой быстро закончил. В туалет захожу. Умываюсь. Нахуй пиджак. И так дышать нечем.

Выхожу. Эта к окну отвернулась. Ноги поджала, себя обняла. Как щенок брошенный. Наушники в уши, фильм смотрит.

Глаза красные, опухли немного. На меня не смотрит. И нехуй...

Марата к себе подзываю, спрашиваю про больничку. Хочу девку на вранье поймать. Скинул док, а Марат мне перекинул. Читаю рекомендации.

«... железо, низкий уровень гемоглобина. Выраженная анемия...»

Потом херня всякая — отрицательно, по всем пунктам. Девка чиста. Можно трахать и не бояться.

— Ебать...

Вслух сказал. Марат даже дернулся от нежданчика. Наготове парнишка.

Док пишет «девственница». Да ну нахуй? Снова на сучку смотрю. В той же позе сидит. Все еще себя обнимает. Защищается ото всего.

Не ожидал...

Совсем.

Ну а что? Так даже лучше. Целку пробую нехуй делать. А первый, как известно, в память въедается. Оставляю свой отпечаток не только во всех отверстиях, но и в голове ее.

Будет всю жизнь вспоминать, какого это — трахаться с Фаром.

Сука, не так все. С самого начала не так. Я привык по-другому. Выбираю сучку, ломаю, выбрасываю.

А с этой не то что-то. Во-первых, она слишком отчаявшаяся. Побитая жизнью без моего участия. Лажа...

Целка, опять же. Были у меня типа целки. Целка — с сиськами силиконовыми, наеб, однако.

А эта...

Просит, чтобы не трогал, но у самой в глазах нет сопротивления. Сдалась? Без боя даже, а так мне неинтересно. Я мясо трахать не буду. Не могу...

Но я знаю, если человек сдался, обратно в нем стержень не затвердеет.

Может, ее домой отправить, нахуй возиться?

Ладно, подумаю...

Глава 7

Под конец полета мне удастся уснуть. Но сплю я чутко. Каждый шорох слышу. Все время вздрагиваю.

Все еще ощущаю его руки на своем теле — ничего противнее в жизни я не испытывала. Отвращение дикое, презрение, ненависть.

Этот человек олицетворяет худшее, что может быть в мужчине. Будто все пороки собрали, поселили в одного человека, и теперь он стал монстром. Чудовищем, которым мамы пугают девочек.

А я с этим чудовищем на одном самолете лечу и дальше буду...

Где? В отеле? В доме?

Да все равно. Я настолько разбита, что и надежды не видно. Не слышно даже отголоска.

Кругом лишь тьма, беспросветная, черная. Такая, как глаза отпетого бандита. Насильника, истязателя, мучителя.

И я его игрушка, марионетка. Нелюбимая кукла, которую дети разрисовывают фломастерами, выкалывают глаза, раздевают догола и в итоге выбрасывают на помойку.

Это я.

Ничтожество для него.

Перед посадкой нехило трянуло. Я тут же проснулась. По сторонам смотрю: охрана спокойна, а Фар...

Побледнел? Какой-то нервный. Что-то случилось, пока летели? Я что, все проспала?

Решаю слишком долго не паяться, не хочется провоцировать зверя. Если он в обычном состоянии такой, то каков он в гневе?

Нет, я не хочу это знать. Моя жизнь, как оказалось, мне очень дорога.

Выходим из самолета, через какое-то время и из аэропорта. Люди вокруг смотрят странно. Еще бы. Вокруг нас — здоровые амбалы, катят наши чемоданы. А внутри этого круга мы. Ощущаю себя, будто во сне. Будто не со мной все это происходит, и я просто в каком-то фильме. Плохом фильме. В том, где главная героиня умирает в конце, а герой находит себе новую жертву.

Хэппи энд мне точно не светит.

Три черных машины стоят у выхода из аэропорта. Фара садят во вторую машину, меня в третью.

Едем в тишине.

В телефоне накопились голосовые. Прослушиваю и даже могу ответить. Связь есть. Но роуминг же? Или новый телефон и связь в подарок за предоставленные неудобства?

Мама говорит, что Ромку обследуют. Вроде какой-то врач решил взяться за операцию.

Ну это если кратко. Мама очень эмоционально рассказывает, вплоть до мелочей, и я прослушиваю все по два раза, чтобы вникнуть в суть.

Записала ответ. Попыталась более подробно, чтобы мама за меня не волновалась. Хотя она все равно будет. Закончила. Телефон в руках кручу и в окно выглядываю.

Я ведь не посмотрела на архитектуру этого города. Другой страны. Я впервые выехала за границу и совсем не испытываю эмоций. Будто мне все равно, где я и с кем.

Но в окно выглядываю. Вглядываюсь в мир за стеклом автомобиля. И вот они, эмоции, тут как тут. Высокие здания. Да что уж там — высоченные.

Мало растительности. Только и вижу длинные тонкие пальмы. Настоящие пальмы.

Окна тонированы, видно не очень хорошо, но я не могу оторваться от улицы.

Стоим на светофоре, рядом с нами низкая машина. Не разбираюсь в марках, но это что-то типа «Феррари». Шик.

А потом было самое удивительное, что я видела в жизни. Море. Настоящее море. Большое. Такое, что не видно берега с другой стороны. Завораживает своей красотой.

Сворачиваем, резко. Водитель — тот еще гонщик, видимо, у Фара они все неуравновешенные.

Едем по двору отеля, или как там называется эта территория, заезжаем прямо под крышу. Охрана выходит, открывает мне дверь.

Смотрю вверх — высоко. Интересно, сколько здесь этажей? А мы на каком?

И очень жарко. Так жарко, что дышать почти нечем. Будто

легкие обжигает, не привык организм к такой смене климата.

Идем ко входу всей нашей «дружной» компанией.

Минуем ресепшен, сразу к лифту. В лифт заходим вше-стером, больше не позволяет грузоподъемность. Двадцатый этаж — высоко. Едем. В лифте тишина.

Да что они все молчуны такие?

Охрана смотрит четко в пол. Фар — на дверь лифта. Он сконцентрирован, напряжен, будто сейчас треснет по швам. Расслабиться бы ему хоть немного.

Одна я головой верчу в разные стороны. Мне все интересно. Даже как выглядит лифт изнутри.

Первым выходит Марат, вертит лысой башкой и дает от-машку остальным. Подходим к номеру, и начинается самое интересное.

— Твоя комната там. Сиди и не высовывайся, пока не позову. — Указывает мне Фар на белую дверь. Покорно и, заметьте, молча иду и скрываюсь за дверью.

Поворачиваюсь и вылуплюю свои и без того большие глаза.

Огромная кровать. Да нет же. Огромная. Тут впятером можно спать.

Ой, не дай бог...

Шкаф. Тоже немаленький. Распахиваю дверцы, а там...

Куча одежды. Всякой разной. Начиная от нижнего белья и заканчивая вечерними платьями. Это что, мне?

И, главное, размер мой. А обуви...

Боже, да тут пар двадцать. Туфли, босоножки, сандалии, кеды. Даже сланцы есть три пары. Все новое. Куда столько?

Замечаю чуть в стороне туалетный столик. И он весь заполнен. Косметичка. Нет, слово «косметичка» явно не подходит. Скорее, это больше кейс, как у визажистов. Фен, плойка — все предусмотрено.

Иду в ванную. И тут полный фарш. Гели для душа, мочалки...

Навряд ли это предоставляет отель. Фар купил? Для меня?

Благодарности он не дожидается, но хотя бы мне есть, что надеть и чем помыться. Я бы еще с радостью сейчас поела.

Так и хочется спросить: а кормить будут?

Но решаю этого не делать.

А что мне делать?

«Сиди и не высовывайся», — он же так сказал?

Решаю принять душ и переодеться. Столько времени в самолете...

Залезаю в шкаф. Нахожу... а ничего нормального я там не нахожу. Все шорты короткие. Очень. Я такие надеть не могу.

Шарюсь дальше, натываюсь на спортивный костюм. Толстоват для жары, но у меня нет выбора. Штаны и кофта будто из тонкого бархата, грязно-розового оттенка. Нахожу белую майку. Да почему все такое короткое?

Иду в ванную. Благо эта комната с замком. Могу изнутри закрыться. Что, собственно, и делаю.

Наслаждаюсь прохладным душем и гелем с запахом чего-то восточного.

Надеваю костюм, на голову — полотенце. Из ванной выбираюсь, в комнате никого. И хорошо.

На туалетном столике нахожу увлажняющую сыворотку для лица. Запах нереальный. Наношу и заваливаюсь на свою шикарную кровать.

На телефоне десять процентов заряда. А зарядника у меня нет.

В голову приходит идиотская мысль, но я все-таки проверяю. Открываю прикроватную тумбочку и нахожу там зарядное устройство. Чудо, не иначе.

Записываю маме пару голосовых. Несу я в них, конечно, бред редкостный. Но она поверит. Рассказываю вымышленную историю, которая якобы приключилась со мной на кухне. Стараюсь не подавать вида, что я не на работе, а черт знает где. Да еще и с кем...

Мама не отвечает, и я отбрасываю телефон в сторону.

Спать не хочется, душ я уже приняла. Чем заняться?

Мои мысли нарушает резко распахнувшаяся дверь.

Фар заходит в комнату, а я тут же поджигаю под себя ноги. Интуитивно закрываюсь от него руками, хоть это и абсолютно бесполезно. Он бросает на меня свой уничижительный взгляд. И молчит. А мне так и хочется сказать, чтобы в следующий раз он стучал.

Стучал, а потом заходил, а не врвался в мою комнату.

Где манеры? Мы же не пещерные люди, там и дверей-то не было, а сейчас есть.

Так в чем дело?

И первым мы видим Марата и его команду...

ФАР:

И почему, когда я на сучку смотрю, мне хочется смеяться? Вроде она не особо смешная. Глупая, нелепая, может, неуклюжая, но не смешная.

Ну да ладно...

Пока держусь. Себя контролирую. Жду, пока она что-то скажет. Выжидаю какое-то время, но девка совсем покорной стала. После самолета притихла.

Все? Окончательно сдалась? Сломалась?

Что-то мне подсказывает, что еще нет. По взгляду вижу. Интересно...

— В семь часов идем на фуршет. Через два часа к тебе придут и сделают из тебя человека. Что надеть, скажут. Ясно?

— Ясно.

— Как себя вести, объяснять надо?

— Молчать?

— И как ты догадалась. Удивительно даже. Молчать и делать, что говорю, без вопросов и лишней херни.

— Я поняла.

Смотрю. Уходить пора, но смотреть продолжаю. Почему?

Глаза у нее странные. Таким цветом еще... ненавижу голубоглазых. В них есть что-то, сука, лживое.

И в этой тоже. Ничего, разберусь по ходу.

Дверь закрываю. Пусть отдохнет девчонка, я планирую сегодня ее испытать на прочность.

Еду в номер заносят. Два стола прикатали. Показываю на комнату моего рая. Стучат и скрываются за дверь.

Ставлю сотку баксов, что она вздрогнула, когда официант постучал. Трусливая баба.

Пусть ест, девке силы пригодятся. Сам за стол сажусь. Марата с собой. Не люблю один есть.

— Али звонил? — вспоминаю я, наконец, зачем в Дубай прилетел. Не люблю этот город, но дела обязуют.

— Да. Вечером будет.

— Отлично. Ошейник когда привезут?

— Да должны уже.

— Заебись. Кадры мне четкие нужны.

— Фар, не дохуя геморра из-за бабы одной? — Держусь. Хотя вспышка была. Я распоясал, или сами расслабились?

— Марат, ты у меня сколько лет работаешь?

— Дохуя.

— Дохуя... И я тебя считаю другом. Не обычным бойцом.

— Да так и...

— Но ты до сих пор мне перечишь. Сколько бы раз я тебя не осекал, ты все не угомонишься. Я непонятно говорю?

— Понятно.

— Ну так хули ты тогда спрашиваешь? Заебало это. Не нравится тебе с бабой возиться, иди таксистом работай.

— Извини.

— Да нахуй мне твои извинения. Просто делай и меньше вопросов. Ты, как никто, знаешь, как месть приятна на вкус. Ты свой кошмар закопал, так дай и мне мой зарыть. Я просто метод выбрал другой. Немного поинтересней.

— Я понял.

— Вот и отлично. Ешь давай, что-то я дохуя заказал.

Дальше молча едим. Отчитал Марата. А нехуй перечить. За такие бабки, что я плачу, можно и потерпеть разок девку ебнутую.

Ну да, сучка проблемная в этот раз попалась, но от этого ж еще интереснее.

Полет вымотал. Пожрал и даже уснуть удалось. Марат будит.

Полчаса до выхода. Прохладный душ, костюм.

— Эта готова? — уточняю. К ней народу должно было сбежаться...

— Готова. — Марат все знает.

— Зови...

На телефон отвлекаюсь. Краем глаза движение замечаю, выходит сучка. Заебись приодели.

Краски на рожe только не видно. Я за что бабки ввалил? Хотя...

Ей и без косметики нормально. Естественность сейчас

редкость. Выделяться будет среди толпы девок на ужине. Мне такое подходит.

Ох, сиськи в этом платье...

Если б идти не нужно было, точно тут бы нагнул ... Распечатай и ошейник на шею.

Как вовремя Марат мне коробочку подает. Раритет. Ошейник, как у Каина. Спецзаказ, блять. Только этот с поводом, а то сучка командам еще не обучена.

— Ближе...

Подзываю, и она приближаться начинает. На каблуках держится уверенно, не падает. Ну хоть что-то умеет. Подходит, смотрит в глаза, опять. Злит меня этим. В пол надо.

Коробочку к ней поворачиваю, открываю. Слежу за реакцией. Считаваю каждую мышцу шевельнувшуюся. Упиваюсь картиной сладкой.

— Это...

— Надевай.

— Я в нем пойду? — Дрожит голосок.

— Ты теперь все время в нем ходить будешь.

Вижу, что хочет сказать что-то. Возразить. Закричать. А может, и врезать мне по морде. Любая реакция бы устроила.

Но сучка не выдает мне реакцию. Никакую. Бесит, блять, этим. Стоит, глазами хлопает, губы надула и не шевелится тварь.

Не дает то, что мне нужно. А мне край как нужно...

Ручонки тянет свои, трясутся. Бедняжка. Сейчас снова в

обморок грохнется, уже глаза заблестели.

— Я опоздаю из-за тебя. На. — Вручаю ей в руки коробочку. — И платье переодень, меня цвет бесит.

Хуйню несу. Платье охуенное, и ей идет. Но сучку позлить хочется.

— Мне это подобрали, сказали...

— Возразить не пробовала? — подсказываю немного. Сама не допрет...

— Не пробовала.

— Что же ты такая... никакая совсем. Вроде живая, но будтодохлая. — Совсем близко подхожу. Запах у сучки приятный, еще в самолете уловил аромат. Реагирую на него. А она не шевелится. Не дышит. Замерла от страха. За лицо ее рукою хватаю, сминаю щеки и к себе подбородок. Злобно смотрит в глаза мне прям. Вижу, они гневом залиты. — Знаешь, почему ты такая убогая? — Не отвечает, молчит. — Потому что бороться надо. Всегда. До последнего сопротивляться. И даже если ты полудохлая, валяешься в канаве и тебе кажется, что это конец, нихуя. Землю ногтями гребешь и выползаешь. А потом встаешь и ебашишь всех... — Небрежно отталкиваю ее от себя. — Но это не про тебя. Ты слабая и уже сдалась... Скучно. Переодевайся, надевай ошейник и вниз. Кит тебя проводит. Поторопись, хочу свою сучку друзьям показать...

Шаг назад делаю и к двери. Хули я перед ней распинаюсь? Девка пропадающая...

Трахну сегодня, и пусть домой валит, заебала. Скучно с ней...

РАЯ:

Из номера вышел, а я в свою комнату бегом. Держу эту чертову коробочку в руках.

Что Фару от меня надо? К чему эта речь была? Сам же учит быть покорной, не разговаривать и все такое...

А сейчас что, захотел, чтобы я вопреки ему сделала?

Ну раз хочет, получит. Ошейник достаю из коробки, в футболку свою заворачиваю и прячу в шкафчик в ванной. Есть там местечко укромное, не найдет. Подхожу к зеркалу, вглядываюсь в свое отражение, а платье мне нравится. Такой сочный цвет, винный. И к моим светлым волосам подходит. Ничего не буду менять.

Хочет сопротивления? Это я запросто организую.

Выхожу из номера, Кит за дверью стоит. Лицо такое же недовольное, как и у Марата, когда он меня возил по городу. Этому головорезу тоже не нравится моей нянкой быть, но приказ хозяина выполняет. К лифту идем, вниз спускаемся.

Потом еще какие-то коридоры, и мы заходим в банкетный зал. Да, мое понимание зала для банкета было не таким...

Он огромный. Светлый, с высокими потолками. Заполненный людьми. Мужчины в официальных костюмах, девушки в платьях. И все, как одна, красотки. Модели, может? Высокие, с бесконечными ногами.

Официанты ходят с подносами. Повсюду столы с закуска-

ми и шампанским. Негромко играет музыка, полуголые танцовщицы медленно танцуют на тумбах, извиваясь в свете софитов. И их кожа... Намазались чем-то? Переливаются, будто сверкают. В блестках, наверное, извалялись. У меня буквально глаза разбежались от увиденного.

В толпе вижу его, моего мучителя. Стоит гордо, голова чуть задрана вверх. По виду кажется, что он король этой вечеринки. Царь зверей, перед которым все преклоняются.

Идем к нему. Рядом с Фархадом стоит мужчина. Араб. Добрая улыбка выглядывает откуда-то из недр густой бороды. Но глаза...

Хитрые. Неприятные. Я бы сказала, лживые...

Ближе подходим, стою позади Фара. Он оглянулся, на секунду остановив взгляд на мне. Немного нахмурился и вновь безразлично отвернулся.

Али, так этого мужика зовут, с которым у Фара встреча, говорил на английском. Фархад свободно поддерживал разговор. Он знает язык? Вот это новость. Я думала, такой бредит ничем, кроме ругательств, не знает. Говорят о поставках, производстве. Ничего конкретного. Завуалированно. И тут я слышу:

— Фархад, дорогой. Что за бриллиант ты привез в мою страну? Твои девки с каждым разом все красивее и красивее, где ты их находишь?

Пока неприятный Али произносит это, его глаза блуждают по моему лицу и зоне декольте, от чего я чувствую себя

униженной. Стараюсь слегка скрыться за широкой спиной Фара, чтобы избежать нахального взгляда.

— В России. Приезжай и ты найдешь.

— Я лучше закажу себе, доставят. Холодно у вас, а я холод не переношу. Эта что, особенная сучка? Где ошейник?

Али спрашивает, а меня злоба охватывает. Даже друзья знают о странностях Фара? Об ошейниках этих? И разговаривают они как приятели. Этот что, его не боится совсем? Почему?

И ответ тут же подъехал...

— Али, скажи мне, когда я дал тебе право обсуждать моих женщин?

Я не вижу лица Фархада, спиной стоит, но представляю. А еще я вижу реакцию этого неприятного типа. Он напрягся и сильно.

— Фар, ну мы...

— Нет никакого «мы». Ты продаешь мой товар и не лезешь, куда не просят. А теперь оставь меня, иди погуляй.

Али ушел мгновенно. Резкий поворот и прочь. Все же боится. И пусть идет.

Фар ко мне поворачивается. Неожиданно. Вздрагиваю и делаю маленький шагочек назад.

— Где ошейник?

Спрашивает угрожающим тоном, будто за вопросом действие будет. Но он не станет... Не здесь.

— Украли. Коробочку открываю, а его нет. Все обыскала,

— отвечаю ему на английском языке. И говорю так, будто не несу полнейший бред. Да, я все еще боюсь его, но пытаюсь держаться. Даже дрожь удалось унять немного.

— Откуда язык знаешь? — Не такая я и убогая. Начинаю ему объяснять...

— У одноклассницы мама была учителем английского, вот она нас...

— Неинтересно. — Резко остановил он мой словесный поток. — Значит, украли?

— Угу. И всю мою одежду тоже. Только это платье осталось. Пришлось в нем остаться...

Я вижу маленький отголосок улыбки. Еле заметный.

Та добрая клеточка в его пропащей душе все же выглянула. Но он ее подавил своей ненавистью ко мне.

Фар махнул рукой, и официант поднес нам шампанское. Беру бокал, делаю глоток. Вкусно.

— А можно на море? — спрашиваю, раз он размяк. Почему не воспользоваться моментом.

— Нет. — Резкое, строгое. Вот так одним словом все мечты — раз...

— Почему?

Вопрос остался без ответа. Лишь грозный взгляд.

Но я хочу на море. Никогда не видела моря и хочу в него окунуться. Я же видела в шкафу купальники, а значит, купание запланировано. Или нет?

— Я никогда моря не видела, ну, пожалуйста... — пыта-

юсь еще раз.

— С утра едем на встречу. Она будет на яхте. Там и посмотришь на свое море.

— Спасибо.

— Рот закрой и завязывай улыбаться. Весело стало?

— Просто хо...

— Больше ни слова. Сейчас за стол пойдем...

Чуть не шиплю на него. Достал своими приказами: не улыбайся, не разговаривай, иди сюда, иди отсюда. Я ему не кукла какая-то...

Или все же кукла?

Ужин был скучным. Я так и не поняла повода для собрания. Фар постоянно с кем-то разговаривал, а я была его тенью. Единственное, что мне зашло, — это еда. Очень вкусная, необычная. Мне как повару было все любопытно. Я внимательно разглядывала каждое блюдо перед тем, как попробовать.

Интересно, я уже лишилась работы? Скорее всего. Ушла без предупреждения. Не вышла на смену. Наверняка, если мне удастся вернуться домой, придется искать новый источник дохода.

Как-то буду крутиться. Но что сейчас об этом думать...

В номер вернулись. На улице стемнело, и у меня дико бо-
лели ноги. Весь вечер на каблуках — та еще пытка. Разулась
я прямо в лифте. До номера шла босиком, чем заслужила

пренебрежительный взгляд тирана и всей его свиты.

И ладно Фар на меня так смотрит, с ним все понятно. Но охрана? Им-то я чем не угодила?

Тиран изрядно выпил. Расслабился, его слегка пошатывало, а у меня сердце на разрыв от страха. Ситуация в самолете так и всплывает в сознании. Тогда я искренне испугалась.

Сейчас Фар напился и точно начнет приставать, а мне бежать некуда. Можно в ванную проскользнуть и закрыться. Тоже мне бункер. Он эту дверь вынесет на раз два, если нужно будет. А ему нужно будет...

По лицу вижу, по взгляду опасному. Глаза опьяненные, лицо чуть расслаблено. И смотрит, как зверь. Сразу мандраж, ужас охватывает. Жду, что набросится и свое возьмет, но я не хочу этого.

Ужасное состояние ждать, что что-то случится. И это что-то очень плохое. Будто тебя заранее предупредили, и надежды нет на спасение. Лишь неизбежность...

— Все свободны, — коротко приказывает, и охрана номер освобождает. Мы остаемся вдвоем, что еще хуже для меня.

Делаю шаг в сторону своей комнаты, но Фар:

— Стоять.

Я стою, но сердце уже в пятки ушло. Глаза закрыла, вдохнула и осторожно развернулась.

Не знаю, понял ли он по моему взгляду, что я умоляю меня не трогать. Думаю, что не понял.

— Еще раз ты ослушаешься меня, — медленно ко мне

идет, — как с ошейником, будут последствия.

— Какие? — спрашиваю дрожащим голосом и взгляд от него не отрываю. Да плевать мне какие, зачем вообще я об этом спросила? Я не хочу знать, мне и так не по себе от его присутствия.

А он все ближе...

— Не думаю, что ты хочешь знать.

— Можно сказать?

— Нет. — Головой вертит и совсем близко подходит. Мое личное пространство нарушено. Он приблизился почти вплотную. — То, что мне от тебя нужно, делают молча, но с открытым ртом. — Усмехается, а мне совсем не смешно. Страшно и не смешно. Шампанское, что я выпила за ужином, немного добавило мне храбрости.

— Слушайте, не нужно угрожать. Ладно раз, два, но когда постоянно... Вам нравится это? Почему? Это явно не очень нормально. Да, я согласилась на все, но не на изнасилование. Это, между прочим, преступление, а вы человек с виду приличный. Ну возьмите ту, кто согласна на все будет, но не...

Фару надоел мой словесный выброс, а может, дело и впрямь в алкоголе. Да и я тут, под рукой...

Без предупреждения как в губы вопьется. Я вдохнуть не успела, а сейчас и не выйдет.

Губы мои хватает своими губищами раз за разом. Грубо, небрежно, размазывая слюни по моему подбородку.

Я же не поддаюсь ему. Мычу и пытаюсь вырваться. В грудь

его руками толкаю, но он не отстранился на миллиметр. Куда мне против такого бугая. Ему мои удары, словно поглаживания. Он их за ласку может принять.

И вдруг мне удастся от него отвязаться. Или он позволяет?

Он меня и не держал путем, только что губами пухлыми присосался...

А какое мне дело до его неприятных губ?

— Не делайте так, пожалуйста...

Пятясь назад, говорю Фару. Медленно, как от дикого зверя бы отступала. Без резких движений и громких звуков.

Он на месте стоит. Наблюдает и лишь короткое...

— Беги.

— Что? — Чуть слышно.

— Беги...

С места срываюсь и в свою комнату бежать так, как от Каина его убегала. Перед тем, как дверь захлопнуть, оглядываюсь — он на месте стоит. Даже не шелохнулся. Опять издевается. Ну хоть отпустил.

Дверь закрываю. Подперла спиной. Выдыхаю спокойно.

Губы вытираю. Еще и еще, но его запах не смыть уже ни с губ, ни с тела. Все еще чувствую его вкус на своих губах. Сильный язык, что ко мне в рот пробивался, но не пробился. И не позволю.

Этот монстр силой меня не возьмет...

Глава 7

Под конец полета мне удастся уснуть. Но сплю я чутко. Каждый шорох слышу. Все время вздрагиваю.

Все еще ощущаю его руки на своем теле — ничего противнее в жизни я не испытывала. Отвращение дикое, презрение, ненависть.

Этот человек олицетворяет худшее, что может быть в мужчине. Будто все пороки собрали, поселили в одного человека, и теперь он стал монстром. Чудовищем, которым мамы пугают девочек.

А я с этим чудовищем на одном самолете лечу и дальше буду...

Где? В отеле? В доме?

Да все равно. Я настолько разбита, что и надежды не видно. Не слышно даже отголоска.

Кругом лишь тьма, беспросветная, черная. Такая, как глаза отпетого бандита. Насильника, истязателя, мучителя.

И я его игрушка, марионетка. Нелюбимая кукла, которую дети разрисовывают фломастерами, выкалывают глаза, раздевают догола и в итоге выбрасывают на помойку.

Это я.

Ничтожество для него.

Перед посадкой нехило трянуло. Я тут же проснулась. По сторонам смотрю: охрана спокойна, а Фар...

Побледнел? Какой-то нервный. Что-то случилось, пока летели? Я что, все проспала?

Решаю слишком долго не паяться, не хочется провоцировать зверя. Если он в обычном состоянии такой, то каков он в гневе?

Нет, я не хочу это знать. Моя жизнь, как оказалось, мне очень дорога.

Выходим из самолета, через какое-то время и из аэропорта. Люди вокруг смотрят странно. Еще бы. Вокруг нас — здоровые амбалы, катят наши чемоданы. А внутри этого круга мы. Ощущаю себя, будто во сне. Будто не со мной все это происходит, и я просто в каком-то фильме. Плохом фильме. В том, где главная героиня умирает в конце, а герой находит себе новую жертву.

Хэппи энд мне точно не светит.

Три черных машины стоят у выхода из аэропорта. Фара садят во вторую машину, меня в третью.

Едем в тишине.

В телефоне накопились голосовые. Прослушиваю и даже могу ответить. Связь есть. Но роуминг же? Или новый телефон и связь в подарок за предоставленные неудобства?

Мама говорит, что Ромку обследуют. Вроде какой-то врач решил взяться за операцию.

Ну это если кратко. Мама очень эмоционально рассказывает, вплоть до мелочей, и я прослушиваю все по два раза, чтобы вникнуть в суть.

Записала ответ. Попыталась более подробно, чтобы мама за меня не волновалась. Хотя она все равно будет. Закончила. Телефон в руках кручу и в окно выглядываю.

Я ведь не посмотрела на архитектуру этого города. Другой страны. Я впервые выехала за границу и совсем не испытываю эмоций. Будто мне все равно, где я и с кем.

Но в окно выглядываю. Вглядываюсь в мир за стеклом автомобиля. И вот они, эмоции, тут как тут. Высокие здания. Да что уж там — высоченные.

Мало растительности. Только и вижу длинные тонкие пальмы. Настоящие пальмы.

Окна тонированы, видно не очень хорошо, но я не могу оторваться от улицы.

Стоим на светофоре, рядом с нами низкая машина. Не разбираюсь в марках, но это что-то типа «Феррари». Шик.

А потом было самое удивительное, что я видела в жизни. Море. Настоящее море. Большое. Такое, что не видно берега с другой стороны. Завораживает своей красотой.

Сворачиваем, резко. Водитель — тот еще гонщик, видимо, у Фара они все неуравновешенные.

Едем по двору отеля, или как там называется эта территория, заезжаем прямо под крышу. Охрана выходит, открывает мне дверь.

Смотрю вверх — высоко. Интересно, сколько здесь этажей? А мы на каком?

И очень жарко. Так жарко, что дышать почти нечем. Будто

легкие обжигает, не привык организм к такой смене климата.

Идем ко входу всей нашей «дружной» компанией.

Минуем ресепшен, сразу к лифту. В лифт заходим вше-стером, больше не позволяет грузоподъемность. Двадцатый этаж — высоко. Едем. В лифте тишина.

Да что они все молчуны такие?

Охрана смотрит четко в пол. Фар — на дверь лифта. Он сконцентрирован, напряжен, будто сейчас треснет по швам. Расслабиться бы ему хоть немного.

Одна я головой верчу в разные стороны. Мне все интересно. Даже как выглядит лифт изнутри.

Первым выходит Марат, вертит лысой башкой и дает от-машку остальным. Подходим к номеру, и начинается самое интересное.

— Твоя комната там. Сиди и не высовывайся, пока не позову. — Указывает мне Фар на белую дверь. Покорно и, заметьте, молча иду и скрываюсь за дверью.

Поворачиваюсь и вылуплюю свои и без того большие глаза.

Огромная кровать. Да нет же. Огромная. Тут впятером можно спать.

Ой, не дай бог...

Шкаф. Тоже немаленький. Распахиваю дверцы, а там...

Куча одежды. Всякой разной. Начиная от нижнего белья и заканчивая вечерними платьями. Это что, мне?

И, главное, размер мой. А обуви...

Боже, да тут пар двадцать. Туфли, босоножки, сандалии, кеды. Даже сланцы есть три пары. Все новое. Куда столько?

Замечаю чуть в стороне туалетный столик. И он весь заполнен. Косметичка. Нет, слово «косметичка» явно не подходит. Скорее, это больше кейс, как у визажистов. Фен, плойка — все предусмотрено.

Иду в ванную. И тут полный фарш. Гели для душа, мочалки...

Навряд ли это предоставляет отель. Фар купил? Для меня?

Благодарности он не дождется, но хотя бы мне есть, что надеть и чем помыться. Я бы еще с радостью сейчас поела.

Так и хочется спросить: а кормить будут?

Но решаю этого не делать.

А что мне делать?

«Сиди и не высывайся», — он же так сказал?

Решаю принять душ и переодеться. Столько времени в самолете...

Залезаю в шкаф. Нахожу... а ничего нормального я там не нахожу. Все шорты короткие. Очень. Я такие надеть не могу.

Шарюсь дальше, натываюсь на спортивный костюм. Толстоват для жары, но у меня нет выбора. Штаны и кофта будто из тонкого бархата, грязно-розового оттенка. Нахожу белую майку. Да почему все такое короткое?

Иду в ванную. Благо эта комната с замком. Могу изнутри закрыться. Что, собственно, и делаю.

Наслаждаюсь прохладным душем и гелем с запахом чего-то восточного.

Надеваю костюм, на голову — полотенце. Из ванной выбираюсь, в комнате никого. И хорошо.

На туалетном столике нахожу увлажняющую сыворотку для лица. Запах нереальный. Наношу и заваливаюсь на свою шикарную кровать.

На телефоне десять процентов заряда. А зарядника у меня нет.

В голову приходит идиотская мысль, но я все-таки проверяю. Открываю прикроватную тумбочку и нахожу там зарядное устройство. Чудо, не иначе.

Записываю маме пару голосовых. Несу я в них, конечно, бред редкостный. Но она поверит. Рассказываю вымышленную историю, которая якобы приключилась со мной на кухне. Стараюсь не подавать вида, что я не на работе, а черт знает где. Да еще и с кем...

Мама не отвечает, и я отбрасываю телефон в сторону.

Спать не хочется, душ я уже приняла. Чем заняться?

Мои мысли нарушает резко распахнувшаяся дверь.

Фар заходит в комнату, а я тут же поджигаю под себя ноги. Интуитивно закрываюсь от него руками, хоть это и абсолютно бесполезно. Он бросает на меня свой уничижительный взгляд. И молчит. А мне так и хочется сказать, чтобы в следующий раз он стучал.

Стучал, а потом заходил, а не врвался в мою комнату.

Где манеры? Мы же не пещерные люди, там и дверей-то не было, а сейчас есть.

Так в чем дело?

И первым мы видим Марата и его команду...

ФАР:

И почему, когда я на сучку смотрю, мне хочется смеяться? Вроде она не особо смешная. Глупая, нелепая, может, неуклюжая, но не смешная.

Ну да ладно...

Пока держусь. Себя контролирую. Жду, пока она что-то скажет. Выжидаю какое-то время, но девка совсем покорной стала. После самолета притихла.

Все? Окончательно сдалась? Сломалась?

Что-то мне подсказывает, что еще нет. По взгляду вижу. Интересно...

— В семь часов идем на фуршет. Через два часа к тебе придут и сделают из тебя человека. Что надеть, скажут. Ясно?

— Ясно.

— Как себя вести, объяснять надо?

— Молчать?

— И как ты догадалась. Удивительно даже. Молчать и делать, что говорю, без вопросов и лишней херни.

— Я поняла.

Смотрю. Уходить пора, но смотреть продолжаю. Почему?

Глаза у нее странные. Таким цветом еще... ненавижу голубоглазых. В них есть что-то, сука, лживое.

И в этой тоже. Ничего, разберусь по ходу.

Дверь закрываю. Пусть отдохнет девчонка, я планирую сегодня ее испытать на прочность.

Еду в номер заносят. Два стола прикатали. Показываю на комнату моего рая. Стучат и скрываются за дверь.

Ставлю сотку баксов, что она вздрогнула, когда официант постучал. Трусливая баба.

Пусть ест, девке силы пригодятся. Сам за стол сажусь. Марата с собой. Не люблю один есть.

— Али звонил? — вспоминаю я, наконец, зачем в Дубай прилетел. Не люблю этот город, но дела обязуют.

— Да. Вечером будет.

— Отлично. Ошейник когда привезут?

— Да должны уже.

— Заебись. Кадры мне четкие нужны.

— Фар, не дохуя геморра из-за бабы одной? — Держусь. Хотя вспышка была. Я распоясал, или сами расслабились?

— Марат, ты у меня сколько лет работаешь?

— Дохуя.

— Дохуя... И я тебя считаю другом. Не обычным бойцом.

— Да так и...

— Но ты до сих пор мне перечишь. Сколько бы раз я тебя не осекал, ты все не угомонишься. Я непонятно говорю?

— Понятно.

— Ну так хули ты тогда спрашиваешь? Заебало это. Не нравится тебе с бабой возиться, иди таксистом работай.

— Извини.

— Да нахуй мне твои извинения. Просто делай и меньше вопросов. Ты, как никто, знаешь, как месть приятна на вкус. Ты свой кошмар закопал, так дай и мне мой зарыть. Я просто метод выбрал другой. Немного поинтересней.

— Я понял.

— Вот и отлично. Ешь давай, что-то я дохуя заказал.

Дальше молча едим. Отчитал Марата. А нехуй перечить. За такие бабки, что я плачу, можно и потерпеть разок девку ебнутую.

Ну да, сучка проблемная в этот раз попалась, но от этого ж еще интереснее.

Полет вымотал. Пожрал и даже уснуть удалось. Марат будит.

Полчаса до выхода. Прохладный душ, костюм.

— Эта готова? — уточняю. К ней народу должно было сбежаться...

— Готова. — Марат все знает.

— Зови...

На телефон отвлекаюсь. Краем глаза движение замечаю, выходит сучка. Заебись приодели.

Краски на рожке только не видно. Я за что бабки ввалил? Хотя...

Ей и без косметики нормально. Естественность сейчас

редкость. Выделяться будет среди толпы девок на ужине. Мне такое подходит.

Ох, сиськи в этом платье...

Если б идти не нужно было, точно тут бы нагнул ... Распечатал и ошейник на шею.

Как вовремя Марат мне коробочку подает. Раритет. Ошейник, как у Каина. Спецзаказ, блять. Только этот с поводком, а то сучка командам еще не обучена.

— Ближе...

Подзываю, и она приближаться начинает. На каблуках держится уверенно, не падает. Ну хоть что-то умеет. Подходит, смотрит в глаза, опять. Злит меня этим. В пол надо.

Коробочку к ней поворачиваю, открываю. Слежу за реакцией. Считаваю каждую мышцу шевельнувшуюся. Упиваюсь картиной сладкой.

— Это...

— Надевай.

— Я в нем пойду? — Дрожит голосок.

— Ты теперь все время в нем ходить будешь.

Вижу, что хочет сказать что-то. Возразить. Закричать. А может, и врезать мне по морде. Любая реакция бы устроила.

Но сучка не выдает мне реакцию. Никакую. Бесит, блять, этим. Стоит, глазами хлопает, губы надула и не шевелится тварь.

Не дает то, что мне нужно. А мне край как нужно...

Ручонки тянет свои, трясутся. Бедняжка. Сейчас снова в

обморок грохнется, уже глаза заблестели.

— Я опоздаю из-за тебя. На. — Вручаю ей в руки коробочку. — И платье переодень, меня цвет бесит.

Хуйню несу. Платье охуенное, и ей идет. Но сучку позлить хочется.

— Мне это подобрали, сказали...

— Возразить не пробовала? — подсказываю немного. Сама не допрет...

— Не пробовала.

— Что же ты такая... никакая совсем. Вроде живая, но будтодохлая. — Совсем близко подхожу. Запах у сучки приятный, еще в самолете уловил аромат. Реагирую на него. А она не шевелится. Не дышит. Замерла от страха. За лицо ее рукою хватаю, сминаю щеки и к себе подбородок. Злобно смотрит в глаза мне прям. Вижу, они гневом залиты. — Знаешь, почему ты такая убогая? — Не отвечает, молчит. — Потому что бороться надо. Всегда. До последнего сопротивляться. И даже если ты полудохлая, валяешься в канаве и тебе кажется, что это конец, нихуя. Землю ногтями гребешь и выползаешь. А потом встаешь и ебашишь всех... — Небрежно отталкиваю ее от себя. — Но это не про тебя. Ты слабая и уже сдалась... Скучно. Переодевайся, надевай ошейник и вниз. Кит тебя проводит. Поторопись, хочу свою сучку друзьям показать...

Шаг назад делаю и к двери. Хули я перед ней распинаюсь? Девка пропадающая...

Трахну сегодня, и пусть домой валит, заебала. Скучно с ней...

РАЯ:

Из номера вышел, а я в свою комнату бегом. Держу эту чертову коробочку в руках.

Что Фару от меня надо? К чему эта речь была? Сам же учит быть покорной, не разговаривать и все такое...

А сейчас что, захотел, чтобы я вопреки ему сделала?

Ну раз хочет, получит. Ошейник достаю из коробки, в футболку свою заворачиваю и прячу в шкафчик в ванной. Есть там местечко укромное, не найдет. Подхожу к зеркалу, вглядываюсь в свое отражение, а платье мне нравится. Такой сочный цвет, винный. И к моим светлым волосам подходит. Ничего не буду менять.

Хочет сопротивления? Это я запросто организую.

Выхожу из номера, Кит за дверью стоит. Лицо такое же недовольное, как и у Марата, когда он меня возил по городу. Этому головорезу тоже не нравится моей нянькой быть, но приказ хозяина выполняет. К лифту идем, вниз спускаемся.

Потом еще какие-то коридоры, и мы заходим в банкетный зал. Да, мое понимание зала для банкета было не таким...

Он огромный. Светлый, с высокими потолками. Заполненный людьми. Мужчины в официальных костюмах, девушки в платьях. И все, как одна, красотки. Модели, может? Высокие, с бесконечными ногами.

Официанты ходят с подносами. Повсюду столы с закуска-

ми и шампанским. Негромко играет музыка, полуголые танцовщицы медленно танцуют на тумбах, извиваясь в свете софитов. И их кожа... Намазались чем-то? Переливаются, будто сверкают. В блестках, наверное, извалялись. У меня буквально глаза разбежались от увиденного.

В толпе вижу его, моего мучителя. Стоит гордо, голова чуть задрана вверх. По виду кажется, что он король этой вечеринки. Царь зверей, перед которым все преклоняются.

Идем к нему. Рядом с Фархадом стоит мужчина. Араб. Добрая улыбка выглядывает откуда-то из недр густой бороды. Но глаза...

Хитрые. Неприятные. Я бы сказала, лживые...

Ближе подходим, стою позади Фара. Он оглянулся, на секунду остановив взгляд на мне. Немного нахмурился и вновь безразлично отвернулся.

Али, так этого мужика зовут, с которым у Фара встреча, говорил на английском. Фархад свободно поддерживал разговор. Он знает язык? Вот это новость. Я думала, такой бредит ничем, кроме ругательств, не знает. Говорят о поставках, производстве. Ничего конкретного. Завуалированно. И тут я слышу:

— Фархад, дорогой. Что за бриллиант ты привез в мою страну? Твои девки с каждым разом все красивее и красивее, где ты их находишь?

Пока неприятный Али произносит это, его глаза блуждают по моему лицу и зоне декольте, от чего я чувствую себя

униженной. Стараюсь слегка скрыться за широкой спиной Фара, чтобы избежать нахального взгляда.

— В России. Приезжай и ты найдешь.

— Я лучше закажу себе, доставят. Холодно у вас, а я холод не переношу. Эта что, особенная сучка? Где ошейник?

Али спрашивает, а меня злоба охватывает. Даже друзья знают о странностях Фара? Об ошейниках этих? И разговаривают они как приятели. Этот что, его не боится совсем? Почему?

И ответ тут же подъехал...

— Али, скажи мне, когда я дал тебе право обсуждать моих женщин?

Я не вижу лица Фархада, спиной стоит, но представляю. А еще я вижу реакцию этого неприятного типа. Он напрягся и сильно.

— Фар, ну мы...

— Нет никакого «мы». Ты продаешь мой товар и не лезешь, куда не просят. А теперь оставь меня, иди погуляй.

Али ушел мгновенно. Резкий поворот и прочь. Все же боится. И пусть идет.

Фар ко мне поворачивается. Неожиданно. Вздрагиваю и делаю маленький шагочек назад.

— Где ошейник?

Спрашивает угрожающим тоном, будто за вопросом действие будет. Но он не станет... Не здесь.

— Украли. Коробочку открываю, а его нет. Все обыскала,

— отвечаю ему на английском языке. И говорю так, будто не несу полнейший бред. Да, я все еще боюсь его, но пытаюсь держаться. Даже дрожь удалось унять немного.

— Откуда язык знаешь? — Не такая я и убогая. Начинаю ему объяснять...

— У одноклассницы мама была учителем английского, вот она нас...

— Неинтересно. — Резко остановил он мой словесный поток. — Значит, украли?

— Угу. И всю мою одежду тоже. Только это платье осталось. Пришлось в нем остаться...

Я вижу маленький отголосок улыбки. Еле заметный.

Та добрая клеточка в его пропащей душе все же выглянула. Но он ее подавил своей ненавистью ко мне.

Фар махнул рукой, и официант поднес нам шампанское. Беру бокал, делаю глоток. Вкусно.

— А можно на море? — спрашиваю, раз он размяк. Почему не воспользоваться моментом.

— Нет. — Резкое, строгое. Вот так одним словом все мечты — раз...

— Почему?

Вопрос остался без ответа. Лишь грозный взгляд.

Но я хочу на море. Никогда не видела моря и хочу в него окунуться. Я же видела в шкафу купальники, а значит, купание запланировано. Или нет?

— Я никогда моря не видела, ну, пожалуйста... — пыта-

юсь еще раз.

— С утра едем на встречу. Она будет на яхте. Там и по-смотришь на свое море.

— Спасибо.

— Рот закрой и завязывай улыбаться. Весело стало?

— Просто хо...

— Больше ни слова. Сейчас за стол пойдем...

Чуть не шиплю на него. Достал своими приказами: не улыбайся, не разговаривай, иди сюда, иди отсюда. Я ему не кукла какая-то...

Или все же кукла?

Ужин был скучным. Я так и не поняла повода для собрания. Фар постоянно с кем-то разговаривал, а я была его тенью. Единственное, что мне зашло, — это еда. Очень вкусная, необычная. Мне как повару было все любопытно. Я внимательно разглядывала каждое блюдо перед тем, как попробовать.

Интересно, я уже лишилась работы? Скорее всего. Ушла без предупреждения. Не вышла на смену. Наверняка, если мне удастся вернуться домой, придется искать новый источник дохода.

Как-то буду крутиться. Но что сейчас об этом думать...

В номер вернулись. На улице стемнело, и у меня дико бо-лели ноги. Весь вечер на каблуках — та еще пытка. Разулась я прямо в лифте. До номера шла босиком, чем заслужила

пренебрежительный взгляд тирана и всей его свиты.

И ладно Фар на меня так смотрит, с ним все понятно. Но охрана? Им-то я чем не угодила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.